

Нижнесалдинский краеведческий музей им.А.Н. Анциферова

В.Е. Грум-Гржимайло

Ученый мирового уровня

160-летию инженера-металлурга, Управляющего Салдинскими заводами В.Е. Грум-Гржимайло посвящается...

Автор-составитель О.Журавлев

Нижняя Салда
2023

12 февраля 2024 года исполняется 160 лет со дня рождения ученого-металлурга, профессора металлургии, Управляющего Салдинскими заводами, Почетного гражданина Верхней Салды Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, внесшего значительный вклад в развитие российской и мировой металлургии.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию подборку материалов и воспоминаний о жизни, научной и общественной деятельности нашего знаменитого земляка.

А.Н.Анциферов

«Биографический словарь Салдинского района»

Грум-Гржимайло Владимир Ефимович. Краткая биография

Грум-Гржимайло Владимир Ефимович родился 12 февраля 1864 года в Петербурге. Владимиру было пять лет, когда умер его отец. Семья осталась без средств.

В 1873 году девятилетним мальчиком он был одновременно со старшим братом определен в Петербургскую военную гимназию. После успешного окончания гимназии, осенью 1880 года Владимир Ефимович поступил в Горный институт и в 1885 году, в возрасте 21 года, его окончил.

Профессорами Чернышевым и Карпинским ему было предложено специализироваться на геологии, но он отклонил это предложение, так как его влекла профессия заводского инженера и его идеалом того времени была практическая деятельность.

Окончив Горный институт с отличием и премией за лучший проект, Владимир Ефимович сразу же начал свою деятельность в качестве горного инженера на Урале, получив приглашение от Нижнетагильского завода на должность инженера-практика. После года работы он переводится надзирателем, т.е. техническим помощником управителя Нижнесалдинского завода, где и прошла значительная часть всего периода его практической деятельности. Управителем Нижнесалдинского завода в то время был К.П.Поленов. В своих воспоминаниях Владимир Ефимович писал: «Я прошел две школы, научившие меня добросовестно думать. В детстве мой брат Дмитрий заставил меня додумывать до самых основ разъясняемого предмета. Молодым человеком то же заставил меня делать К.П.Поленов».

В этот же период своей деятельности, Владимир Ефимович остановил свое внимание на особенностях, так называемого «русского бессемерования», дал теоретическое обоснование его, указал существенное отличие от немецкого и выяснил практические преимущества. Все эти выводы были

опубликованы в статье «Бессемерование на Нижнесалдинском заводе» в Горном журнале за 1899 год, а потом статья была перепечатана рядом европейских журналов, что принесло Владимиру Ефимовичу мировую славу, а русское бессемерование получило признание, как самостоятельный процесс.

После этого Владимир Ефимович опубликовал еще две работы: «Об относительных размерах глаза фурмы и сопла в доменных печах» и «Паровые машины Нижнесалдинского завода, их недостатки и ремонт». В этих работах Владимир Ефимович выступил, как опытный механик.

Кроме научных работ в это время он спроектировал и доменную печь №4 (работавшая более 15 лет без выдувки), рудообжигательную печь, торфяные генераторы с конденсаторами, доменную печь и воздухоудвную машину для Ижорского завода, генератор для сжигания сучьев, хвои и пней, полугазовую листокатальную печь, мартеновскую печь для Верхнесалдинского завода. Все эти печи и генераторы проработали много лет вполне успешно и без переделок.

Будучи в 1897 году управляющим Верхнесалдинского завода, он одновременно был строителем нового рельсопрокатного цеха в Нижнесалдинском заводе. Он лично спроектировал и выстроил его.

В 1903 году Владимира Ефимовича назначают управляющим Алапаевским горным округом. А всего он провел на Урале свыше 20 лет и за это время производственной и научной деятельности внес много нового и выдающегося в области Уральской металлургии.

В 1907 году Владимир Ефимович переходит на педагогическую работу в Петербургский политехнический институт, где он заведует кафедрой металлургии стали. Здесь ему присваивают звание адъюнкта металлургии и избирают профессором металлургии. В институте он создал свой оригинальный курс «Производство стали» и «Прокатка и калибровка» и завершил свою «Гидравлическую теорию металлургических печей». В должности профессора института он провел 10 лет. В истории металлургического факультета его деятельность сыграла крупную роль, так как он в значительной степени способствовал постановке преподавания металлургии на необыкновенную высоту и создал многочисленную школу металлургов, проявивших себя весьма успешно на различных металлургических заводах.

Последние годы деятельности Владимира Ефимовича совпали с началом мощного развития отечественной промышленности. По его инициативе в 1924 году было создано при научно-техническом отделе ВСНХ Бюро металлургических и теплотехнических конструкций (позднее

переименованное в Стальпроект). За четыре года бюро под его руководством спроектировало около 400 печей и других установок. Более 130 печей работало на заводах в день его смерти.

Владимир Ефимович принимал активное участие в работах Главметалла, Гипромеца и научно-технического совета черной металлургии, председателем которого он был почти до самой смерти.

Одновременно он был председателем Московского отделения Русского металлургического общества.

В 1925 году Владимир Ефимович был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР, а осенью 1925 года был командирован Академией наук в Париж на конференцию металлургов.

Владимир Ефимович имеет 149 научных печатных трудов.

30 сентября 1928 года в 7 часов вечера Владимир Ефимович умер от рака печени.

Владимир Грум-Гржимайло.

Полная хронология жизни

Дорогие читатели! Перед вами очень подробная хронология жизни выдающегося учёного, металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло (1864-1928), жизнь и деятельность которого были тесно связаны с Уралом. Данную хронологию составила вдова Владимира Ефимовича - Софья Германовна Грум-Гржимайло.

1864 г., 12 февраля - рождение Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло в городе Санкт-Петербурге.

1873 г. - поступление в 3-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, организованную из I Александровского кадетского корпуса.

1880 г., весна - окончание 3-й военной гимназии.

1880 г., осень - поступление в Горный институт в Санкт-Петербурге после сдачи приёмных экзаменов.

1883 г., лето - студенческие практические занятия проходил на станции Волхов, Колпино и в Питкаранте.

1883 г., 23 августа – 15 сентября - посещение Чулковских каменноугольных копей в Тульской губернии.

1884 г., май-сентябрь - практические занятия на заводах Екатеринославской губернии и в Донецком бассейне; геологические исследования Уфимской губернии с Э.Н. Чернышёвым (младш.); посещение Юзовского завода.

1885 г., июнь - окончание Горного института в Санкт-Петербурге.

1885 г., 18 июня - утверждение в звании горного инженера приказом по Горному ведомству за №7.

1885 г., 10 июля - определение на службу по Горному ведомству с назначением на Нижне-Тагильский завод наследников П.П. Демидова, для практических занятий сроком на 1 год (приказ № 8).

1885 г., июль - утверждение Владимира Ефимовича Указом Правительствующего Сената в чине коллежского секретаря.

1886 г. - постройка и пуск Владимиром Ефимовичем доменной печи № 4 Нижне-Тагильского завода.

1886 г., 15 ноября - назначение в Нижне-Салдинский завод надзирателем.

1887 г., апрель - назначение помощником управителя Нижне-Салдинского завода.

1889 г., июль-август - в «Горном журнале» напечатана первая печатная работа Владимира Ефимовича «Бессемерование в Нижне-Салдинском заводе».

1891 г., декабрь - первая встреча с Софией Германовной Тиме.

1892 г. - первая поездка Владимира Ефимовича за границу для осмотра заводов в Швеции, Германии, Франции и Бельгии.

1893 г. - вторая поездка Владимира Ефимовича за границу по вопросу постройки новой прокатной в Нижней Салде. Был во Франции и Германии.

1893 г. - переход в Александровский сталелитейный завод в Санкт-Петербурге на должность главного инженера.

1894 г. - уход с Александровского сталелитейного завода и приглашение Крестовниковым на постройку завода на горе Юбрышке в Чердынском крае.

1894 г., декабрь - предложение Софьи Германовне Тиме.

1895 г., 3 мая - свадьба Владимира Ефимовича и Софьи Германовны.

1895 г., лето - жизнь на станции Сиверской под Петербургом. В июле принял предложение вернуться в Нижний Тагил на должность помощника управляющего округа.

1895 г., август - возвращение на Урал в Нижне-Тагильский завод.

1896 г. - третья поездка за границу для заказа машин для Нижне-Салдинского завода.

1896 г., 19 апреля - рождение дочери Маргариты в Нижнем Тагиле.

1897 г., 6 мая - рождение сына Николая в Нижнем Тагиле.

1897 г., май - переход в Верхнюю Салду на должность управляющего заводом.

1898 г., 9-11 мая - пожар в Нижней Салде, начавшийся от шаровой молнии во время грозы.

1898 г., 18 июня - рождение сына Владимира в Верхней Салде.
1899 г. - поездка Владимира Ефимовича за границу для лечения от неврастении.
1900 г., 2 марта - рождение сына Сергея в Верхней Салде.
1900 г., октябрь - поездка в Париж на выставку совместно с Софьей Германовной.
1901 г., лето - переход из Верхней Салды в Нижнюю Салду на должность управителя и окончание постройки новой прокатной фабрики.
1902 г., осень - переезд из Нижней Салды в Алапаевск на должность управляющего округом.
1903 г., 24 февраля - рождение сына Алексея в Алапаевске.
1903 г., лето - поездка Владимира Ефимовича и Софьи Германовны с дочерью Маргаритой по Волге.
1904 г., 4 июня - рождение сына Юрия в Алапаевске.
1905 г., 2 февраля - смерть Елизаветы Авенировны Тиме – матери Софьи Германовны.
1905 г., март - открытие Алапаевского рудного месторождения.
1905 г., май - забастовка в Алапаевске. Пожары. Приход войск в Алапаевск. Переезд из дома управляющего в клуб.
1906 г., лето - приезд А.П.Карпинского в Алапаевск для экспертизы по проделанной геолого-разведочной работе.
1907 г., февраль - спасение Владимиром Ефимовичем утопающего у деревни Толмачёво около Алапаевска.
1907 г., май - переезд из Алапаевска в Уктус под городом Екатеринбургом.
1907 г., сентябрь - переезд из Уктуса в Санкт-Петербург. Жизнь в квартире Григория Ефимовича Грум-Гржимайло.
1907 г., октябрь - переезд в Лесной – дом № 5 по Новосильцевской улице.
1907 г., октябрь - поступление Маргариты во 2-й класс, Николая и Владимира в 1-й класс восьмиклассного коммерческого училища в Лесном.
1907 г., 24 октября - предложение М.А.Павлова о присуждении Владимиру Ефимовичу звания адъюнкта Санкт-Петербургского политехнического института по металлургии без представления им диссертации, без экзамена и без пробных лекций.
1907 г., 8 ноября - чтение комиссией в составе М.А.Павлова, Н.С.Куреакова и Н.С.Верещагина доклада о присуждении Владимиру Ефимовичу звания адъюнкта.
1907 г., 20 ноября - единогласное избрание (закрытой баллотировкой) Владимира Ефимовича в адъюнкты.

1907 г., 24 декабря - утверждение в звании адъюнкта
1908 г., 24 июня - рождение дочери Софьи в Санкт-Петербурге.
1908 г., лето - жизнь на Новосильцевской улице в Лесном, поездки в окрестности Санкт-Петербурга.
1909 г., лето - жизнь в Малороссии в имении Гамильтона (село Булохово, Черниговской губернии). Болезнь брата Владимира Ефимовича, Дмитрия Ефимовича, и перевозка его в Санкт-Петербург.
1909 г., сентябрь - переезд на квартиру в профессорский корпус Политехнического института.
1910 г., лето - поездка на дачу на ст. Торошино под Псковом.
1910 г., лето - убийство Д.Шумова и Кушковского.
1910 г. - организация Русского металлургического общества.
1911 г., лето - поездка в Лыкошино – имение М.Е. Грум-Гржимайло.
1911 г., сентябрь - приезд Германа Кушковского с Урала и поступление его в коммерческое училище.
1911 г., 23 ноября - избрание в ординарные профессора по кафедре металлургии.
1912 г., лето - поездка в Везо на берег Финского залива вблизи Безенберга.
1912 г., сентябрь - поступление сына Алексея в 1 класс восьмиклассного коммерческого училища в Лесном.
1913 г., май - поездка на дачу на Кавказ в Нальчик.
1913 г., июль - поездка в Балкарию к леднику Агаштан.
1913 г., август - поездка к ледникам Эльбруса.
1914 г., май - окончание Маргаритой восьмиклассного коммерческого училища.
1914 г., лето - поездка в Берёзки – имение Волковых-Манзей – владельцев Алапаевских заводов (ст. Академическая Николаевской железной дороги).
1914 г., сентябрь - поступление сына Юрия в 1 класс восьмиклассного коммерческого училища в Лесном.
1915 г., 1 марта - смерть Германа Августовича Тиме, отца Софьи Германовны.
1915 г., май - окончание Николаем и Владимиром коммерческого училища.
1915 г., лето - поездка в Берёзки (ст. Академическая Николаевской железной дороги).
1915 г., сентябрь - поступление Николая и Владимира в Политехнический институт.
1915 г., 1 августа - открытие «Металлургического бюро В.Г. Грум-Гржимайло».

1916 г., лето - поездка в Берёзки (ст. Академическая).

1916 г., 2 июля - мобилизация Николая в армию, в команду Вольноопределяющихся запасного тяжёлого артиллерийского дивизиона в Царском Селе.

1916 г., сентябрь - поступление Маргариты в Медицинский институт и её переезд на Б. Самсониевский проспект в помещение Бюро В.Е. Грум-Гржимайло.

1916 г., октябрь - поступление Владимира в школу гардемарин при Политехническом институте.

1916 г., октябрь - отъезд Николая на фронт.

1917 г., 20 января - откомандирование Николая из армии в Михайловское артиллерийское училище.

1917 г., май - окончание Сергеем коммерческого училища.

1917 г., лето - поездка в Берёзки (ст. Академическая Ник.ж.д.).

1917 г., 10 августа - производство Владимира в мичманы.

1917 г., 15 августа - производство Николая в прапорщики.

1917 г., сентябрь - поступление Сергея в Политехнический институт.

1917 г., 1 октября - гибель эскадренного миноносца «Гром», на котором служил Владимир механиком.

1917 г., ноябрь - назначение Владимира на эскадренный миноносец «Азарт».

1918 г., февраль - возвращение Владимира из Гельсингфорса и демобилизация с фронта.

1918 г., 12 марта - возвращение Николая с фронта.

1918 г., 22 апреля - поездка Владимира Ефимовича в Москву в качестве эксперта по вопросу об организации горно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого бассейна.

1918 г., май - переезд семьи из Петрограда в Алапаевск через Рыбинск по Волге – Каме, поселение в деревне Толмачёвой у крестьянина Харлова.

1918 г., июнь - приезд Владимира Ефимовича на Урал в деревню Толмачёво.

1918 г., 30 августа - поездка Владимира Ефимовича из Толмачёво в Пермь и Коноваловский завод на реке Чусовой для его осмотра.

1918 г., сентябрь - переезд всей семьи вместе с Владимиром Ефимовичем в Коноваловский завод.

1918 г., 18 сентября - начало работ по проектированию Коноваловского завода.

1918 г., 3 декабря - занятие Коноваловского завода войсками Колчака в ночь на 3 декабря.

1918 г., декабрь - переезд из Коноваловского завода в Екатеринбург. Жизнь 5 суток на вокзале станции Кын Западно-Уральской железной дороги.

1918 г., декабрь - мобилизация Николая и Владимира в армию Колчака на станции Кын.

1919 г., 25 января - смерть Германа Кушковского от скарлатины в Семипалатинске.

1919 г., 10 февраля - мобилизация Сергея в армию Колчака.

1919 г., февраль - поездка Владимира Ефимовича в Златоуст.

1919 г., апрель - переезд Владимира Ефимовича и семьи в Надеждинский завод на должность консультанта Богословского горного округа.

1919 г. - ранение Николая.

1919 г., 15 июля - отъезд Владимира Ефимовича и семьи из Надеждинска в Сибирь на буксирном пароходе по Сосье, Оби и т.д. до Томска.

1919 г., 20 июля - проход каравана судов через Пелым.

1919 г., сентябрь - приезд Владимира Ефимовича в Томск.

1919 г., 14 (27) сентября - убит пулей в сердце, в бою у деревни Поповки, сын Владимир. Похоронен в селе Камышное Курганского уезда Арагульской волости.

1919 г., ноябрь - занятие Томска Красной Армией.

1920 г., февраль - приезд Сергея из армии в Томск.

1920 г., февраль - начало работ в Комиссии по согласованию проекта Северного сибирского пути и Урало-Кузнецкого.

1920 г., март - отъезд Маргариты из Томска в Златоуст.

1920 г., 12 мая - приезд Николая в Екатеринбург из Сибири.

1920 г., 2 июня - переезд Владимира Ефимовича с семьёй из Томска в Екатеринбург и поселение в Горном училище в квартире Паутова.

1920 г., осень - отъезд Маргариты в Ленинград.

1920 г., сентябрь - поступление дочери Софьи в последний класс школы I ступени.

1920 г., сентябрь - поступление Николая, Сергея и Алексея в Уральский горный институт, поступление Юрия в рабфак института.

1921 г., лето - поездка Сергея и Юрия в Ленинград за архивом «Металлургического бюро В.Е. Грум-Гржимайло». Отъезд Нины Шумовой в Ленинград к матери.

1921 г., сентябрь поступление дочери Софьи в группу учеников Баяевой.

1921 г., осень - переселение в домик священника во дворе Горного училища.

1922 г., январь - окончание Маргаритой медицинского института в Свердловске.

1922 г., весна - поступление дочери Софьи в 2 класс школы II ступени.

1923 г., 6 июня - несостоявшаяся защита дипломного проекта Николая.

1923 г., июль - поездка Владимира Ефимовича в Верхнюю Салду и жизнь на Исинском покосе.

1924 г., февраль - процесс профессора М.О. Клера.

1924 г., 1 марта - исключение Сергея из числа студентов Уральского государственного университета.

1924 г., 24 марта - защита Николаем дипломного проекта.

1924 г., апрель - поездка Владимира Ефимовича с Сергеем в Москву.

1924 г., 24 мая - Второй съезд научных деятелей по металлургии в Ленинграде под председательством Владимира Ефимовича.

1924 г., июнь - уход Владимира Ефимовича из Уральского государственного университета и отъезд в Москву.

1924 г., июль - открытие Бюро металлургических и теплотехнических конструкций НТО ВСНХ в Москве.

1924 г., сентябрь - поступление сына Юрия в Горный институт.

1924 г., сентябрь - поступление сына Алексея в Институт стали в Москве.

1924 г., сентябрь - переезд в мансарду в д. № 3 по Б. Афанасьевскому переулку.

1925 г., январь - приезд Николая в отпуск в Москву.

1925 г., май - окончание дочерью Софией школы в Москве.

1925 г., июнь - выход из печати первого издания «Производство стали» Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло.

1925 г., июль - отъезд Сергея в Краматорский завод.

1925 г., сентябрь - поступление дочери Софии в Московский государственный университет.

1925 г., 15 сентября - поездка Владимира Ефимовича во Францию на конгресс индустриальной химии в Париже.

1926 г., 1 января - уход Николая из Мотовилихи и приезд в Москву.

1926 г., январь - выход из печати первого издания «Пламенные печи» Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло.

1926 г., март - отъезд Николая из Москвы в Днепропетровск.

1926, весна - болезнь Инны Николаевны Шумовой и перевозка её на лечение в Крым. Поселение Нины Шумовой у Владимира Ефимовича для окончания университета.

1926 г., 10 июня - рождение Аллы – дочери Алексея и Зои Николаевны.

1926 г., осень - избрание Владимира Ефимовича в члены-корреспонденты АН СССР.

1926 г., ноябрь-декабрь - отпуск Владимира Ефимовича, проведенный вместе с Софьей Германовной в Кисловодске.

1927 г., апрель - возвращение Сергея из Краматорской для работы в БМТК.

1927 г., апрель - поездка Николая в Надеждинский завод для пуска качающейся печи, построенной по проекту Владимира Ефимовича.

1927 г., 6 мая - свадьба Маргариты и Всеволода Николаевича Дурденевского.

1928 г., 2 марта - рождение Николая – сына Алексея.

1928 г., лето - окончание сыном Алексеем Института стали.

1927 г., 17 июля - свадьба Сергея и Ольга Владимировны Липской.

1927 г., 15 августа - поступление Николая на завод «ЗИС».

1928 г., 17 августа - освобождение Президиумом ВСНХ СССР Владимира Ефимовича от обязанностей председателя научно-технического совета чёрной металлургии.

1928 г., август - заболевание Владимира Ефимовича – разлитие желчи.

1928 г., 5 августа - рождение Дмитрия Дурденевского, сына Маргариты.

1928 г., 5 сентября - рождение Олега, сына Сергея и Ольги.

1928 г., 30 октября - смерть Владимира Ефимовича (19 часов) от рака печени, после продолжительной тяжёлой болезни.

М.В. Дурденевская

Мои воспоминания (1964 г.)

По просьбе моего брата Сергея, начинаю писать свои воспоминания.

Я, дочь Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, была свидетельницей многих интересных исторических событий, но я была тогда ребёнком и многое не понимала совсем, а многое воспринимала по-детски. Поэтому не ищите в этих записках исторического исследования эпохи: я сознательно не изучала её, чтобы написать только то, что я видела, и то, как я это поняла и запомнила.

Не удивляйтесь также, что вы найдёте тут немало бытовых подробностей, которые покажутся Вам, может быть, невероятными. Но, что поделать! Так было в действительности.

Фотографии из архива С.В. Грум-Гржимайло.

Глава I

Верхняя Салда.

Мои первые воспоминания

Родилась я 19 апреля (2 мая) 1896 года в Нижнем Тагиле, в двухэтажном кирпичном доме на Лисьей горке. Полтора лет переехали в Верхнюю Салду. Тагильского дома я совершенно не помню, зато хорошо запомнила переезд. Мы ехали на лошадах. Я сидела на коленях у мамы, а мой брат Коля (на год младше меня) спал на руках у папы. Мне это казалось верхом несправедливости: я старшая – значит должна сидеть у папы, а маленький Коля у мамы.

На половине дороги от Тагила до Салды есть гора Раствориха с довольно крутым спуском. Экипаж наш стал клониться в сторону. Я испугалась и заплакала. Испугался и папа, он закричал ямщику:

– Легче! Вывалишь!

– Не бойтесь, барин, проедем, – ответил ямщик и мы действительно проехали.

Следующее воспоминание довольно грустное: я заболела. Болезнь была какая-то странная: я перестала ходить, говорить и неподвижно лежала в постели. Игрушки и книжки с картинками, которые раньше меня интересовали, теперь перестали интересовать меня. Никаких других, более определённых признаков болезни не было; не было ни температуры, ни кашля, ни расстройства желудка. Павел Иванович Паклин – наш заводской фельдшер – единственное лицо с медицинским образованием в Салде, пожимал плечами.

– Ничего не понимаю. Малокровие, но от чего?

Затем прописал усиленное питание: масло, яйца, сливки, белое мясо и продолжительные прогулки в сосновом лесу. Кроме того, посоветовал показать меня врачу. Мама отвезла меня к доктору, тот тоже осмотрев меня, пожал плечами, подтвердил диагноз Павла Ивановича и его лечение и прописал ещё капли. Начали меня лечить, но мне становилось всё хуже: я стала плакать от боли, когда меня брали на руки. Тут сердце моей няни не выдержало. Она пришла к маме:

– Софья Германовна! Не мучай ты ребёнка, не лечи. Пусть умрёт. Отпусти в рай её ангельскую душеньку!

За этот совет няня была уволена, мама взяла другую, но не прошло и нескольких дней, как новая няня завела ту же песню:

– Не мучай, не лечи, отпусти её в рай!

Была уволена и эта няня.

Наконец, третья или четвёртая няня решила сделать всё, «что было нужно».

Она «отдала меня земле», т.е. с молитвой положила на землю и убежала. Мне кажется, я это помню: помню мягкий, светло-зелёный мох, золотисто-коричневые, освещённые ярким солнцем стволы сосен, тёмно-зелёную хвою над ними и выше всего – бесконечно высокое голубое небо. Тогда ли это было или в какой-либо другой день – не могу сказать, но был день, когда я в первый раз сознательно увидела небо и полюбила его так же, как тот малыш, который сочинил слова популярной в 1962 году песенки:

«Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я...»

Маму поступок няни привёл в ужас. Демидовские заводы – один из центров русского сектантства и не только «мирного» – старообрядчества и единоверия, но и изуверского. Там были и хлысты с их безумными танцами – радениями, и пахтеи, топившие людей во время обряда крещения (крестили они взрослых, обычно тяжело больных) и «лучинкина вера» с человеческими жертвоприношениями (ребёнка – мальчика закалывали насмерть остро отточенными деревянными лучинками) и самосожигатели...

Вам, читатель, это может показаться невероятным, но это было! Мама в детстве была почти свидетелем ужасной смерти своей няни. Старушка заболела и решила, чтобы искупить свои грехи, умереть мучительной

смертью. Она легла на пол в молельне, её накрыли досками, встали на них и пели молитвы, пока она не задохнулась. Труп нашли. Мама его видела. Что же касается «лучинкиной веры», то изредка находили трупы мальчиков, исколотых чем-то острым и умерших от потери крови. Последний известный мне случай был в 1927 году. Труп нашли в мешке на Архиерейской улице в городе Екатеринбурге (теперь Свердловск). Но больше всего нашумел случай, происшедший не на Урале, а на Украине. Там в убийстве обвиняли еврея Бейлиса, но суд его оправдал, хотя и признал, что убийство было, несомненно, ритуальным. Настоящих убийц не нашли, а может быть не хотели найти.

Последний известный мне случай саможжения был в 1910 году. О нём мне рассказывал тагильский лесничий Андрей Гаврилович Кулешов. Сгорел лесообъездчик с семьёй. Причина: в тот год пасха совпала с благовещением, значит должно было исполниться обещание и наступит страшный суд. Чтобы предстать чистым на этом суде, несчастный фанатик решил очиститься огнём. Когда Андрей Гаврилович узнал об этом, он поспешил в лес к жилищу лесообъездчика, чтобы спасти кого можно – хотя бы детей. Но изба уже догорала – спасти было некого.

Но когда я была маленькой, самый свежий случай был в Нижней Салде. К счастью, он окончился благополучно. В семье управителя Поленова была девочка, года на 1 ½ старше меня. Она была «черна, как галка, суха, как палка» и так некрасива, что я, тогда четырёхлетняя малышка, боялась её. Её звали Галя. Я думала, что она дочь Поленова, но вернее, что она была его внучкой. О ней рассказывали следующее: она родилась слабой и болезненной девочкой, и няня решила, что её следует «перепечь». Она позвала старуху, вместе они истопили русскую печку, замели её, распеленали ребёнка, положили его на лопату, которой сажают хлебы в печь, и сунули в печку. В этот момент в кухню вбежала мать, которая почуяла что-то неладное и, конечно, сразу выхватила ребёнка из печи. Старуха не успела дочитать молитву: она успела вымолить только здоровье, а красоты ещё не вымолила – поэтому девочка и была некрасива.

Теперь, читатель, Вы поймёте весь ужас моей матери. Какие ещё способы «лечения» выдумают эти изуверы?

Мама решила не брать русских няnek и выписала бонну-немку, чтобы быть уверенной, что не попадётся сектантка.

Между тем мне становилось всё хуже и хуже. Я стала отказываться есть. И тут Павел Иванович, осмотрев мой рот и зубы, поставил, наконец, правильный диагноз: цинга! Это было совершенно неожиданно: цинга

считалась болезнью голодных, а меня кормили усиленно, но из боязни перед «бактериями» и «заразой» всё давали кипячёным и варёным, не подозревая, что этим путём убиваются витамины и, следовательно, пища делается неполноценной. Впрочем, обвинять ни маму, ни Павла Ивановича нельзя: тогда о витаминах вообще ничего не знали, – они были открыты позднее.

Лечение круто переменили: стали давать лук, кислую капусту, солёные огурцы, редьку, клюкву, а так как считали, что цинга излечивается кислотой, то для меня выбирали всё самое кислое. Сахару не давали вовсе. Я плакала, но мама была неумолима. Это лечение я запомнила на всю жизнь и до сих пор с невольным страхом пробую кислую капусту и, особенно, солёные огурцы. Лечение помогло: я начала интересоваться окружающим.

В моей «библиотеке» были очень хорошенькие научно-популярные книжки. Они были маленькие – не больше ладони взрослого человека и были переплетены в разноцветные коленкоровые переплёты. Я их очень любила. Одна из этих книжек называлась «Как устроено и работает наше тело». Там было написано, что слюна превращает крахмал пищи в сахар. Поэтому, если долго жевать какую-либо крахмалистую пищу – например, корку чёрного хлеба – то она станет сладкой. Я решила попробовать, раздобыла поджаристую горбушку и стала жевать её долго-долго. И она стала сладковатой. Это было радостное открытие! Есть ржаной хлеб мне не запрещали, и я, чтобы не получать замечаний, что я долго ем (папа не любил, когда «копаются») съедала мякиш, а корки прятала в карман и ела их вечером, когда мама, уложив меня в постель, уносила свечку из детской.

Наконец, приехала долго ожидавшаяся бонна. Это была хорошенькая 17-летняя немочка из Прибалтики. Мне она очень понравилась. Она поселилась в нашей детской вместо старушки Устюши (Устиньи Емельяновны), которая вынырнула в своё время моего отца, жила у нас в доме «на покое» и только по временам заменяла нам няню.

Лечение продолжалось. Я покорно ела кислую капусту и редьку со сметаной, а вечером утешалась ржаными корочками. Наконец, к трем годам я твёрдо встала на ноги, а ещё через полгода стала свободно говорить и по-русски, и по-немецки. С этих пор мои воспоминания стали чёткими и последовательными, но самые первые детские впечатления были ярче. Особенно яркой была память о том, как я в первый раз увидела небо. С тех пор я часто и днём, и ночью подолгу смотрела на него. Особенно нравились мне пышные белые кучевые облака. Они так важно и

спокойно плыли по голубому небу и всё время меняли свою форму. Я считала, что она этих облаках ездят обитатели рая – святые и ангелы, когда хотят посмотреть, что делается на земле. Я поселила туда также «хороших» героев из детских книжек. Нашлось там место и моей любимой игрушке – заводному паровозу. Я преважно говорила:

– Когда я умру, я тоже буду ездить на облаках.

Так же, как обычно дети говорят:

– Когда я буду большой, я сделаю то-то и то-то.

Маме моё фантазирование не нравилось – да и какой матери может понравиться, что её ребёнок постоянно говорит о своей смерти? Она объяснила мне, что облака ничто иное, как пар, обыкновенный пар, такой же, как над кипящим самоваром. Я не хотела верить: мои милые облака тёплые и мягкие, как моя новая шубка, белые, пушистые и нежные, как только что выпавший снег – и вдруг – обыкновенный пар! Нет! Я пошла спрашивать дедушку, бабушку, папу – и все они говорили «пар!». И в моих любимых книжках тоже было написано: пар.

«Нет! Пусть говорят, что угодно, а облака – это облака, а не пар. И я буду на них ездить», – решила я и, чтобы не слышать истины, которая мне не нравилась, я стала прятаться от взрослых и фантазировала по-прежнему. От детей также пряталась, потому что не могла бегать – задыхалась (впоследствии выяснилось – порок сердца), а лучший способ увильнуть от необходимости играть в подвижные игры – это спрятаться, чтобы не нашли. Вот причина моего «странного поведения», которое мама отмечает в своих воспоминаниях.

Папа был управителем (по-теперешнему – директором) Верхне-Салдинского завода и жил в заводском доме, в квартире из 8 комнат, не считая кухни, людской, где жила наша «женская прислуга» (кухарка, коровница, она же прачка и горница) и флигеля во дворе – где жила «мужская прислуга» (кучер и садовник с помощником). Но не думайте, что вся эта барская роскошь принадлежала нам: весь этот персонал был «заводский» и оплачивался заводом. Заводскими были и выездные лошади и даже мебель, посуда и столовое серебро, столовое и постельное бельё. Управитель был обязан жить богато, он получал специальные деньги «на представительство», т.е. на «богатую жизнь». Этими деньгами распоряжалась мама и аккуратно отчитывалась в каждой копейке.

Из восьми комнат одна была «приезжая», т.е. комната, где останавливалось приезжавшее в Салду «начальство» – как сами Демидовы, так и другие важные лица. Даже архиерей и тот, объезжая епархию, останавливался у управителя. Всех этих гостей нужно было

помещать, кормить, развлекать... Требовалось немало продуктов, вина и дорогих лакомств, тем более, что «начальство» ездило нередко с большой свитой, которую также приходилось кормить и помещать, освобождая для этого и жилые комнаты. Обычно приезжало человека 2-3, но бывало и 10-15. Тогда менее важных гостей устраивали ночевать у других служащих, но обедали все у нас.

Кроме приезжей, официальными комнатами были: большой зал – во всю ширину дома, папин кабинет, столовая и «стеклянная комната» – зимний сад, расположенный в пристройке. Когда приезжало много гостей, он становился гостиной, зал делался столовой, а столовая – 2-й приезжей. Тогда мы играли не в стеклянной комнате, как всегда, а в детской и в сад ходили не через парадные двери, а через кухню. Итак, из 8 комнат жилых было всего 3: спальня, детская и «девичья». Так называлась комната, соседняя с кухней. Ею пользовались как подсобным помещением: там гладили бельё и стряпали перед праздниками, когда была «большая стряпня».

Вы, читатель, может быть спросите: для чего всё это было нужно? Увы! Это было необходимо: ни гостиниц, ни ресторанов в то время на заводах не было, и приезжему предоставлялось либо ночевать на постоялом дворе в большой комнате вместе с ямщиками, либо устраиваться в «очередной» деревянной избе по указанию старосты на полу (летом) или на печи и на полатах (зимой) вповалку со всем крестьянским семейством. Удобства такое помещение, конечно, не представляло.

Столь же сложен был вопрос – где пообедать. Впрочем, вопрос об обеде был сложен и для мамы: магазинов в Верхней Салде не было. Были 3-4 мелочные лавочки, где продавался всякий припас, необходимый в крестьянском хозяйстве, дёготь, гвозди, керосин, свечи, мыло, нитки и иголки, дешёвая посуда и т.д. Из продуктов там можно было купить дешёвый чай, кусковой сахар, конфеты в пёстрых бумажках, изготовленные на патоке, а не на сахаре. Была устроенная папой лавка Общества потребителей, с более широким ассортиментом товаров: там можно было купить материю: ситец и дешёвое сукно, стеклянную и фарфоровую посуду, детские игрушки, а из продуктов – крупы и белую муку. Был артельщик, который почти каждую неделю ездил в Нижний Тагил. Он мог привезти консервы и конфеты. По воскресеньям был базар: продавали овёс, сено, крестьянскую муку, творог, русское масло, мёд, летом ягоды и грибы, осенью овощи, перед большими праздниками – мясо, главным образом баранину, изредка телятину, хотя её чаще просто приносили на дом.

Всё это были прекрасные, свежие продукты, но попробуйте удовлетворить ими избалованных ресторанный едой столичных гостей! Приходилось иметь своё обширное хозяйство: огород с самыми разнообразными овощами – даже с такими редкостями как спаржа, артишоки, цветная и брюссельская капуста. Среди редкостей росла – Вам, читатель, это покажется, наверное, забавным – да, росла обыкновенная картошка. Она занимала две длинные гряды, её пололи вручную и окучивали, пригребая рукой землю к кусту. Никому в голову не приходило, что её можно сажать в поле и окучивать, пропахивая междурядья сохой.

Был у нас и скотный двор с молочными коровами, а куриц иногда бывало до сотни. Мясо мама обычно заказывала заранее мяснику, который в нужное время привозил его – целую тушу. наших телят не кололи: у нас были коровы-тагилки, выведенные в Нижнем Тагиле из потомства лучших холмогорских коров. Телят заранее покупали у нас крестьяне «на племя», и действительно в короткий срок деревенское стадо заметно улучшилось. Все эти продукты надо было вырастить, собрать и сохранить, чтобы в любой момент принять и накормить любое число гостей. Работы хватало. Нужно сказать, что все уральские заводчики «на представительство» денег не жалели: они понимали, что по заводам ездят не гости, а по делу, и что приезжему, помимо обеда и ночлега, надобно создать условия, в которых он мог бы спокойно работать. Нужно было также создать хорошие условия для самого управителя, чтобы привлечь и удержать на заводе знающего и опытного инженера.

День в Верхней Салде

На церковной колокольне сторож пробил 6 часов. Громко загудел заводский гудок: «Вставайте, хозяйки! Топите печку, готовьте завтрак, кормите мужей-рабочих».

По всему селению из печных труб повалил дым. Задымила также труба кухни управительского дома: кухарка Ефимовна месит сдобное тесто и катает из него булочки. Кучер Филипп ставит самовар и для скорости усердно раздувает его своим сапогом, молоденькая горничная, стараясь не шуметь начинает прибирать столовую и парадные комнаты.

Половина восьмого. Второй, двойной гудок: «Выходите из дому, далеко живущие рабочие: вам как раз полчаса ходу до заводской проходной». В нашей столовой на столе стоит блюдо горячих булочек и шумит самовар, около которого хлопочет Устинья Емельяновна: папа пьёт чай.

В восемь часов гудит третий, тройной гудок. Папа надевает шапку и вместе с утренней сменой рабочих входит в заводскую проходную.

В восемь часов нас будит фрейлен Клара, одевает, моет, причёсывает, ставит перед картиной Рафаэля «Святое семейство» (эта картина висит у нас в углу вместо иконы) и читает молитву: «Отче наш» по-немецки. Затем ведёт в столовую здороваться с мамой и пить чай. Мама уже сидит около «стоногого» (складного) круглого стола. На ней нарядная шерстяная сиреневая кофточка «матинэ» (т.е. «утренняя»), отделанная лиловым бархатом. Такие кофточки без пояса носили тогда по утрам вместо капота или халата. Перед ней самовар на маленьком продолговатом подносе, а рядом – на большой квадратном – чайная посуда. Против неё, на высоком стулике сидит маленький Володя, «поёт» и усердно колотит ложкой по столу. Около него неизменная Устюша: она поможет ему, если он сам не сможет справиться с едой. Мы здороваемся, садимся на свои места. Мама отламывает кусочек булки, крошит его на блюдечке, наливает молока и даёт Володе. Потом наливает жидкого чая с молоком и сахаром в наши чашки, даёт нам и, наконец, наливает чай фрейлен Кларе и себе.

Мы пьём чай. Хлеб мы берём сами, но прошить его или оставлять недоожденные куски – нельзя. Мама заметит и скажет: «Ты должно быть совсем маленькая и не умеешь есть. Дай, я тебя покормлю» и будет кормить. Но мы не хотим быть маленькими и чисто съедим вкусные, тёплые булочки. Чай кончен. Мама моет чайную посуду. Мы идём играть в тёплую погоду в сад, в холодную и дождливую – в стеклянную комнату. С нами вместе идёт (вернее ползёт) и Володя.

Двенадцать часов дня. Снова гудок – на обед. Сейчас придёт папа. Мы хватаем его домашние вышитые туфли и мчимся к парадной двери: может быть сегодня папа позволит снимать с него сапоги! Это очень забавно: мы старательно тянем – я один сапог, Коля – другой, потом надеваем их и путешествуем по комнате. Если погода хорошая и сапоги чистые – папа позволяет, если мокро – то сам снимает с помощью «рогатой дощечки».

Затем он ложится на кушетку «самосон», которая стоит у двери в приезжую комнату, и сразу засыпает. Теперь надо сидеть тихо и не шуметь, папа отдыхает.

Между тем в кухне и столовой идут последние приготовления к обеду, и через несколько минут суп на столе. Мама посылает кого-либо из нас разбудить папу.

Обед проходит быстро. Никаких капризов, «не хочу», «не люблю» не полагается. Что мама положила на тарелку, должно быть чисто съедено, а то папа скажет: «Душечка, ты не хочешь кушать? Выйди из-за стола, пожалуйста». И тогда прощай третье, сладкое блюдо: до вечернего чая ничего не получишь.

Маленького Вовика мама кормит супом из своей тарелки, после чего его уносят спать. Нас после обеда спать не укладывают: мама находит, что это лишнее. Мы идём смотреть, как кучер Филипп запрягает лошадей: он каждый день «проминает их, чтобы они «не застаивались». В хорошую погоду мы едем кататься – зимой по Салде и на Чёрную речку – по дороге в Нижнюю Салду, летом на Ису за цветами и ягодами. Папа спит до двух часов. В два гудок: «на работу», и он снова уходит на завод.

В 4 часа подают чай со сдобным хлебом или с сухарями. К чаю приходит папа и весьма часто приводит гостей, с которыми говорит о заводских делах.

В 7 часов мы, дети, ужинаем в детской: дают что-либо сладкое, кашку, кисель, творог, простоквашу. В 8 часов мы ложимся спать. На этот раз коротенький немецкий стишок-молитву читаю я:

«Mude bin ich, geh'zuzuh

ShlisemeineAugenzu

Vater, lass die Augendein

Uber meinenbette sein».

Фрейлен Клара гасит свечу и уходит из детской. День кончен, начинается ночь.

Так проходят обыкновенные дни. Но бывают дни и необыкновенные: тогда папа не уходит на завод, а что-то чертит и поёт в кабинете. Мы тихо играем в стеклянной комнате. Вот пение замолкло: «Сейчас папа будет танцевать мазурку!» Мазурка – это польский национальный танец, очень красивый, но требующий от исполнителя значительной физической силы. Теперешние врачи сказали бы: «Хорошая физкультминутка». Папа всегда танцует, когда «голова у него устаёт».

Мы на цыпочках бежим к дальней двери в зал, выбираем момент, когда папа оборачивается к нам спиной и ныряем под стол, накрытый длинной ковровой скатертью. Как интересно папа танцует! То его совсем не слышно, то он громко притопнет и стукнет каблуком о каблук. Очень часто приходит мама и начинает играть на рояле. Теперь уже запрета нет. Мы вылезаем и тоже танцуем, старательно копируя папины движения. Наконец, папа говорит: «Довольно!» И мы исчезаем в стеклянной комнате. А случается, что папа приходит к нам, и мы играем в «терем-теремок». Папа ставит стулья в круг и накрывает пледом. Это «терем». Подхожу я.

«Терем-теремок! Кто в тереме живёт?» – Ответа нет – «Ну, коли никто не живёт – я буду жить», и я лезу в «терем».

Подходит Коля:

«Терем-теремок! Кто в тереме живёт?»

«Я муха-царица. А ты кто?»

«Я мышь-пискарица», – и в доказательство Коля оглушительно пищит.

«Иди ко мне жить», – говорю я и Коля лезет в «терем».

Подходит Володя.

«Терем-теремок! Кто в тереме живёт?»

«Я муха-царица, да мышь-пискарца, а ты кто?»

«Я заяц косой»

«Иди к нам жить»

Володя также лезет в «терем».

Приходит папа и говорит «страшным» голосом:

«Терем-теремок! Кто в тереме живёт?»

«Я муха-царица, да мышь-пискарица, да заяц косой. А ты кто?»

«Я мишка-медведь, вас всех давить». Отвечает папа, садится на плед и, конечно, проваливается. Мы выскакиваем и кричим: «Вот и не задавил, не задавил!»

Играем ещё в путешествие: садимся на коврик, и папа возит нас по комнате. Коврик движется всё быстрее, повороты на углах делаются всё круче, удержаться становится всё труднее, и мы, один за другим, скатываемся на пол. Папа с ковриком в руке скрывается в кабинете. Туда мы не имеем права входить. Игра кончается.

Необыкновенными днями были также праздники – вернее последние дни перед праздником, когда была «большая стряпня», в которой принимала участие мама и, конечно, я. Много вкусных вещей попадало мне в рот в эти дни. Мама не любила есть сырое тесто, а мне оно очень нравилось. Поэтому меня всегда звали попробовать достаточно ли в тесте соли, сахару. Пробовала я также и бульон для заливного, и соус провансаль для салатов, и начинку для пирожков, и тесто для тортов: Ефимовна строго соблюдала посты и не хотела «скоромиться». «Ты ребёнок, тебе не грешно, с тебя не взыщется», – говорила она мне (по церковным, а также по староверческим понятиям ребёнок до 7 лет безгрешен и только если он сделает что-либо особенно плохое – прямо преступное – отвечают родители, потому что не научили его добру. Нарушение же поста – грех небольшой и для ребёнка весьма простительный, потому и «не взыщется»).

Нужно сказать, что должность дегустатора я исполняла хорошо: ни недостатка, ни избытка соли в кушаньях не было.

Совсем необыкновенные дни. Первое посещение завода

У меня была очень хорошенькая шубка из лебяжьего пуха. Была такая материя с нашитыми на неё пушинками, правда, не лебяжьими, а гусиными, но от этого она не становилась хуже.

Однажды папа решил показать мне, как делают железо и взял с собой на завод. Он нёс меня на руках, чтобы я не испачкала шубку. Заводский шум и полутёмные цеха не испугали меня. Я вела себя умницей и охотно здоровалась и «подавала ручку» и знакомым, и незнакомым рабочим. Всё шло хорошо, пока мы не попали в кузницу. Там моя шубка произвела фурор. «Снежурочка!» (Снегурочка) – закричал один рабочий.

«Невестынька», – закричал другой. Нас окружили.

«Погоди, сейчас приведём жениха!» – и вот ведут высокого парня, черноволосого, чернобородого и порядком измазанного сажей. Он подошёл и протянул руку, чтобы поздороваться со мной. Я в ужасе уцепилась за папу и задала такой рёв, что пришлось унести домой. Но и там я не скоро успокоилась.

Долго ещё после того рабочие, при встрече со мной, снимали шапки и шутиливо-почтительно приветствовали «невесту-снежурочку», а страшный «жених» изредка, проходя на работу, совал мне в щель забора какую-нибудь самодельную игрушку: лопаточку, совочек, формочку для песка: его мучила совесть, что он так испугал ребёнка. В конце концов я с ним помирилась и перестала его бояться и даже так осмелела, что начала заказывать ему игрушки. Тут вмешался папа и запретил мне заказывать, а ему – исполнять мои заказы. Так наше знакомство и прекратилось.

Телефон

Когда мы приехали в Салду, телефонов не было, а были рассылки. Это были мальчики лет 12-14, которые постоянно сопровождали «начальство» и которых посылали, чтобы передать какое-либо распоряжение. Такой рассылка, Николка, постоянно сидел у нас в кухне в те дни, когда папа не ходил на завод.

Но однажды к нам пришёл незнакомый человек и принёс странный ящик с ручкой сбоку, с чёрной трубкой спереди и с круглой коробочкой на шкурке. Этот ящик он приколотил на стену около приезжей комнаты и ушёл. Папа позвал меня:

«Мура, беги скорее! С тобой хочет говорить дедушка!»

Я прибежала. Папа взял меня на руки, прижал к уху коробочку, и я услышала голос дедушки:

«Здравствуй, Мурочка!»

Я вырвалась из папиных рук, побежала в прихожую, потом по коридору в зал – дедушки нигде не было. Папа с мамой хохотали до слёз, а я обиделась: почему мне не сказали сразу, что дедушки нет, что он дома, в Тагиле, а это ящик говорит дедушкиным голосом?

Телефонную линию провели дальше, к Нижней Салде. В ветреную погоду, даже при слабом ветре, провода гудели, и мы верили, что они гудят от того, что передают разговор. Мы прижимали ухо к столбам и пытались подслушать этот разговор, что нам, конечно, не удавалось.

«Паровозики»

Наш дом окружал прекрасный сад. Когда-то он был гораздо больше и доходил до берега пруда, но нужно было подвести железную дорогу к заводу и сад разрезали: почти посередине проложили рельсы и узенький деревянный тротуар. Остаток сада у пруда стал общественным садом – там в беседке по большим праздникам играл духовой оркестр (теперь его называли бы самодеятельным). Часть сада, прилежавшую к дому, обнесли лёгким, сквозным частоколом. Эта железная дорога была заводским подъездным путём, и поезда ходили по ней по мере надобности, без всякого расписания. Меня, конечно, паровозы интересовали, и я постоянно подбегала к забору, чтобы посмотреть на них.

Но однажды паровозик сыграл со мной злую шутку: машинист пустил пары, забор скрылся в их белых клубах, а паровоз оглушительно засвистел. Я решила, что паровозик сломал забор и идёт к нам, прибежала к маме и кричу:

«Мама, закрой дверь! Сюда идёт паровозик! Я его боюсь».

Понадобился весь авторитет папы, чтобы уверить меня, что паровоз может ходить только по рельсам, а если с них сойдёт, то разобьётся так же, как чайная чашка, которую я недавно разбила. С тех пор я прониклась большим уважением к рельсам и никогда на них не наступала: боялась обидеть.

«Солёный вагон»

Среди вагонов был один, который официально назывался «Салон-вагон». Он предназначался для путешествия важных особ, вроде владельцев. Пользовались им также и управители заводов, когда, благодаря распутице и непогоде, не могли ехать на лошадях. «Салон-вагон» – слово непонятное, и в Салде его переделали в «Солёный вагон». Этот вагон нередко останавливался и отцеплялся от поезда около нашего сада.

В это время родился ещё один братик – Серёжа, и мама взяла «няньку» – 11-летнюю девочку, которой поручала старших детей, т.е. меня, Колю и Володю. «Няня» должна была играть с нами и смотреть, чтобы мы не убежали на улицу. Но однажды, когда «Солёный вагон» стоял у забора, мы не выдержали и пошли его посмотреть поближе. Должна сказать, что инициатором в этом деле была «няня», которая ещё не привыкла к суровой дисциплине нашего дома. Прошли мы до Красного моста, т.е. шагов, верно, 80, были пойманы, и нам сильно попало. Конечно, интерес к «Солёному вагону» ещё более усилился.

Наконец, радостное известие: папа едет в Тагил в «Солёном вагоне» и берёт с собой маму и меня. С нами едет какой-то очень важный чужой дедушка – вероятно Жонес.

Итак, я увижу, что внутри «Солёного вагона». Снаружи-то я его уже давно рассмотрела. Он был немного побольше красных товарных вагонов, был выкрашен в зелёную краску, имел две двери с обоих концов, по три окна с каждой длинной стороны и по одному окну с каждой короткой. Оказалось, что внутри очень красивая большая комната: стены обиты тиснённой клеёнкой, на окнах шёлковые кремовые занавески, в одной половине у стен три пёстрые, мягкие кушетки, на которых можно поспать, и стол с точёными ножками. Другая половика совсем свободна – хоть танцуй, только у окон стоят стулья с точёными ножками.

Мы долго ехали. Сначала я с удовольствием смотрела в окно, потом мне стало скучно. Мама посадила меня у переднего окна, дала в руки вожжи (шнурки от штор) и кнутик, сделанный из какой-то палочки с привязанной верёвочкой.

«Погоняй паровозик, чтобы он ехал скорее», - сказала она мне. И я добросовестно принялась грозить паровозике моим кнутиком. Но вдруг поезд остановился в лесу, паровоз перецепили назад, и мы поехали обратно! Я совсем растерялась. Чужой дедушка рассмеялся;

«Видишь, паровозик упрямится, не хочет везти нас в Тагил, а везёт обратно в Салду».

К счастью, зрительная память была у меня великолепная: не прошло и двух минут, как я сообразила, что едем мы не по прежней дороге. Вскоре мы приехали в Тагил. Этот удивительный поворот поезда был на разъезде Сан-Донато, где салдинская ветка присоединялась к горно-заводской дороге и где начался спуск этой дороги к Нижне-Тагильскому заводу. Тогда этот разъезд стоял в глухом лесу.

Пшеница и тимофеевка

Я играла под столом в зале. Из кабинета вышли папа и Константин Павлович Поленов. Они спорили. Поленов говорил, что граница произрастания пшеницы проходит севернее Салды, и поэтому места, где вырублен лес и выкорчеваны пни, следует засеять пшеницей; а папа утверждал, что эта граница проходит южнее, поэтому пшеница расти не будет, а будет вымерзнуть. Освобождённые от леса площади следует засеять луговыми травами, чтобы получать хорошее сено.

Я сидела и размышляла: что это за граница? Кто её провёл? Что там – канава или прясло (лёгкая изгородь из жердей)? Почему не съездить и не посмотреть?

Спорили папа и Поленов, спорили, а каждый остался при своём. Папа посеял траву тимофеевку у нас в саду. Как раз в это время пожарный сарай (который был в углу нашего сада) перенесли в другое место; самый каменный сарай переделали в клуб, а двор прирезали к нашему саду. На этом-то дворе и посеяли тимофеевку и запретили нам там бегать. Ходить можно было только по узенькой тропинке к калитке.

«Трава тимофеевка» очень интересовала меня, и я всё бегала смотреть, как она растёт. Однажды я увидела там красивый цветок. У нас как раз гостил дедушка, и я повела его посмотреть.

«Это куколь, – сказал дедушка. – Он ядовитый. Если его семена попадут в хлеб, можно отравиться и даже умереть».

Я была совершенно поражена: такой красивый цветок и такой злой!

Тимофеевка выросла, её скосили, высушили, сложили в кучу и накрыли очень толстым слоем лучшего лугового сена. Затем «пригласили экспертов» – коров. Коровы откинули сено и съели тимофеевку. Я на этой «экспертизе» не присутствовала. На салдинцев она произвела большое впечатление, разговоров об этом было много, и освобождённые от леса площади охотно засевались травами.

А Поленов посеял пшеницу и в конце лета повёз нас смотреть, как её молотит купленная им молотилка с конным приводом. В Салде это была большая новость: там по старинке молотили цепями. Собран был хороший урожай, и тем было доказано, что пшеницу в Салде сеять можно, но увьи! Не каждый год. Ранние инеи нередко «губили урожай», т.е., хотя муку из подмороженного зерна можно было есть, но хлеб получался тяжёлый, тёмный, с растрескавшейся коркой.

Итак, оба спорщика оказались правы, а рабочие стали сеять на своих участках не только «надёжные» рожь и овёс, но и пшеницу и тимофеевку – последнюю на крутых склонах, где было трудно пахать.

«Комариный домик»

Папа давно уже живёт «на болоте» в «комарином домике» и домой совсем не приходит. Он снимает план местности для того, чтобы продолжать строить железную дорогу до Нижней Салды и дальше, до Алапаевска. Нас, даже маму, очень интересует этот «комариный домик», но папа нас туда не зовёт.

Наконец, работа закончена, и мы приглашены «на болото». Утром, после чая, кучер подаёт запряжённого в коробок Сивку. Мы садимся и едем в лес. Комаров там уйма. Мама привязывает нам на шею тряпки, смоченные скипидаром. Такую же тряпку, смоченную скипидаром, она привязывает к дуге, над головой Сивки.

Вот и «болото» – мох, мелкая – ниже метра – сосна, осока, пушица, лужи коричневой воды. Дальше ехать нельзя.

Кучер отпрягает Сивку, раскладывает костёр-дымокур и садится около него, а мы идём дальше уже пешком. Невдалеке видны два «комариных домика» – это домики, сделанные из марли, натянутой на деревянные рамы. В одном – поменьше – живёт папа, а в другом жили рабочие, но сейчас там только гора одеял и подушек и один рабочий: он ждёт, когда за этим имуществом придёт лошадь.

У папы очень хороший домик – в нём совсем нет комаров, но войти в него надо быстро и только немного откидывать марлю, закрывающую вход: а то, чего доброго, налетит «гнус». Пол в «комарином домике» сделан из кошмы (из войлока), под которую подогнуты марлевые стены домика. Внутри стоит складная «стоногая» кровать, лежит большой брезент, которым покрывают домик во время дождя, тренога, доска от мензулы с готовым планом, ящик с кипрегелем и давно знакомый нам огромный белый зонтик на длинной палке с окованным железом концом. Под этим зонтиком мы не раз уже играли дома – в саду.

Папа выносит треногу, ставит её очень низко, надевает доску мензулы, ориентирует и зовёт нас.

«Вот смотрите: мы здесь. Вон церковь Верхней Салды – видите крест? Вот она на плане. Вон завод: видите дым? Вот он на плане. А вот на плане Нижняя Салда. А ну, покажите, где она? И мы, без всяких споров и сомнений, руководствуясь ориентированным планом, точно указываем направление. Папа по очереди поднимает нас, и мы вдали, точно по указанному направлению, видим крест на колокольне Нижне-Салдинской церкви.

Тем временем рабочий успел уже вскипятить большой, закопчённый чайник, кучер принёс привезённое нами угощенье... Папа подбрасывает в

костёр свежей, зелёной травы – клубами поднимается дым, и мы все, и кучер и рабочий, прячась от комаров в этом дыму, садимся пить чай.

Затем папа развинчивает мензулу, накрывает доску с планом брезентовой крышкой и несёт её туда, где стоит Сивка; рабочий несёт треногу и ящик с кипрегелем, кучер – складную кровать, а мы тащим зонтик. Мы уезжаем, а «комариные домики» под охраной рабочего остаются: лошадь за ними ещё не пришла.

Сивка

Сивка – мамина верховая лошадь. Это белоснежный иноходец киргизской породы. Он невысок, очень вынослив, силен и быстроходен. Это был самолюбивый конь: ни за что не позволял обогнать себя – хоть «на полголовы», но пойдёт впереди соседней лошади. Если маме нужно было, чтобы её кто-либо обогнал, ей приходилось сворачивать в сторону, отъезжать шагов 15-20, останавливаться и пропускать другую лошадь или лошадей вперёд и затем ехать за ними.

Сивку обучили специально для мамы, и торговец лошадьми, сам большой любитель коней, продал его «в хорошие руки». И действительно, мама любила и баловала Сивку, и Сивка её любил: как увидит – сейчас же бежит к ней. Один раз мама стояла в комнате, а окно было открыто, так он вскочил в окно!

Сивка «ходил и под мужским, и под дамским седлом», – а это может не каждая лошадь. Дамские сёдла были очень своеобразны: на них сидели боком, обеими ногами в одну сторону. У передней луки седла был высокий, сантиметров 30, обитый кожей выступ, поддерживавший правую ногу всадницы, левая нога опиралась на стремя. Длинная и широкая юбка «амазонка» на тяжёлой плотной материи покрывала ноги до самых носков. Эта юбка – обычно из чёрного сукна – пугала лошадей и обучить их «ходить под дамским седлом» было делом нелёгким.

Когда Сивку запрягали в экипаж, он «шёл в корню», т.е. в оглоблях с дугой, а вторая лошадь, Ванька – тоже белый «киргиз», впрягался сбоку в валец – на пристяжку.

Сивка был учен «на тугих вожжах», т.е., в противоположность обычным лошадям, бежал тем быстрее, чем туже натягивались вожжи, а стоило бросить их, как он останавливался. Понимал он также слова «шагом», «рысью», «быстрее», «тише», «стой», «направо», «налево», «прямо». Бывало мама даст вожжи кому-либо из нас и скажет:

«Сивка, шагом. Дети едут», – и Сивка плетётся шагом «нога за ногу» и даже головой кивает при каждом шаге – как настоящая кляча. Мы кричим,

вожжами машем – никакого внимания... Подъезжаем к развилке дороги: Сивка поднимает уши и оглянется. «Направо, Сивка!» – скажет мама, и Сивка поворачивает куда приказано. Возьмёт мама в руки вожжи, Сивка голову поднимет, уши насторожит, но продолжает идти шагом, пока мама не скажет: «Быстрее, Сивка! Рысью!»

Подогнать его с помощью ударов кнута было невозможно: он не слушался, и горе тому кучеру, который посмел его ударить – злопамятный Сивка при первом же удобном случае жестоко расправлялся с обидчиком.

Такая выучка давалась обычно только очень хорошим коням, если было нужно, чтобы конь сам выбирал дорогу и соображал как идти, а при несчастном случае, если ездок терял вожжи или узду, он не метался бы, как безумный как это обычно делают лошади, – а спокойно ждал бы, пока хозяин придёт в себя и снова возьмёт управление в свои руки; но и тогда, если Сивка находил, что дорога опасна, например, при спуске с крутой горы, он шёл «так, как нужно», т.е. шагом, что бы ему ни приказывали.

Обычно на Сивке верхом ездила мама, а папа только в исключительных случаях, когда была опасная работа и некогда было думать о лошади и управлять ею, например, при лесных пожарах. Тут Сивка был незаменим: он как бы сливался со всадником, понимал малейшее движение узды, никогда и ничего не пугался, всегда находил наилучшую дорогу и выводил куда было нужно. Право, можно было подумать, что он читает мысли всадника.

Эти качества пугали суеверных салдинцев, и многие серьёзно верили, что Сивка – «оборотень», т.е. человек, обращённый в лошадь с помощью колдовской силы:

«А то, как иначе понимал бы он человеческую речь?»

Когда мы уехали в Петербург, мама отдала Сивку своей крестной матери – Софье Августовне Тиме (сестре нашего дедушки), большой любительнице животных. У неё Сивка прожил до своей смерти.

Иса (Исинский завод)

Примерно в 7 километрах от Верхней Салды, при впадении реки Исы в реку Салду, стоял небольшой Исинский завод.

В старину заводы строили у реки, делали плотину и большой пруд, чтобы заводские механизмы, особенно прокатный стан, можно было бы крутить с помощью «вододействующих колёс». Так же был построен и Исинский завод. Но выбор места оказался неудачным: на Исе почему-то не рождались дети. Что только не делали исинцы, чтобы иметь детей! Брали жён из дальних селений, из многодетных семей, брали вдов с детьми,

даже, как я узнала позже, брали девушек, имевших внебрачного ребёнка... – ничто не помогало. Только один способ иногда удавался: как только женщина узнавала, что будет матерью, она уходила на богомолье и ходила пешком по монастырям. Тот святой, около монастыря которого рождался ребёнок, считался крёстным отцом новорождённого. Так крёстным отцом Веры Соловьёвой, моей подруги, дочери Исинского управителя, был Стефан Пермский. В церкви, где лежали его мощи, она была крещена, в ту же церковь она ездила на первую исповедь, там же, впоследствии, и венчалась.

Исинцы, отчаявшись, один за другим переселялись в Салду и предпочитали каждый день ходить или ездить на работу, но иметь семью и детей.

Я помню, что около завода – вместо большого селения – стоял только дом управителя, да пять или шесть избышек, но скоро и они были разобраны и перенесены в Салду. Кругом был вековой лес – любимое место наших прогулок. Местами в нём, около покосов, стояли маленькие «покосные избышки», т.е. избышки, в которых хозяева участка жили только во время покоса. Пашень я там совсем не помню.

Когда мы жили в Салде, Исинский завод ещё работал, но потом был закрыт, и в доме управителя стал жить «плотинный», т.е. служащий, который наблюдал за целостью плотины и за тем, чтобы вода во время паводков не «уходила» бы из пруда мимо водосброса.

Почему вымер Исинский завод? Не могу сказать точно, но папа говорил, что так же вымерло ещё одно селение, кажется оно называлось Константиновкой и было около д. Нелобы. Не виновата ли в этом питьевая вода? В Верхней Салде, за рекой, по дороге на Ису очень распространён зоб; не была ли бездетность исинцев только более резкой формой этой эндемической болезни, которая вызывается недостатком иода в пище?

Глава II

Воспоминания о крепостном праве

Когда я родилась (1896 г.), прошло 35 лет со времени освобождения крестьян, и было в живых ещё много людей, помнивших крепостное право. Я не стала бы писать о нём, если бы все эти события были бы только историческими, и не оказывали бы сильного влияния на жизнь Тагильских и Алапаевских заводов, где работал мой отец.

В нашем доме только одна Устюша (няня моего отца) помнила настоящее крепостное право, когда крестьяне считались какой-то низшей породой людей, а баре хвалились, что у них кости белые, а не серые и кровь

голубая и поэтому они самой природой назначены быть господами. Ссылались они также и на авторитет Священного писания – на описанную в Библии историю Ноя и его трёх сыновей. История эта состоит в следующем:

«Ной насадил виноградник и когда созрел виноград, выжал из него сок. Через несколько дней сок перебродил, Ной напился его, опьянел и заснул. Было жарко, и он скинул с себя одежду. Это увидел старший сын Ноя, Хам, и позвал своих братьев Сима и Иафета: «Посмотрите, как неприлично валяется пьяный отец». Но братья не стали смеяться – они взяли одежду и накрыли отца.

Когда Ной проспался и узнал о поступках своих сыновей, он Сима и Иафета благословил, а Хама проклял: «И ты, и потомки твои будут рабами потомков братьев твоих».

Авторитет Библии был когда-то велик: евреи называли себя детьми Сима (откуда современные «семиты»). Европейцы приписали себе в отцы Иафета, а «негров и прочих», в том числе русских крепостных, зачислили в «детей Хама», следовательно в природные рабы детей Сима и Иафета.

Впрочем, слова «хам» и «хамское отродье» означали не только потомственного раба – гораздо чаще их употребляли как прозвища, которыми награждали невежливую человека, если он не уважает то, что следует уважать – в частности, относится грубо к старшим по возрасту. В этом смысле слово «хам» сохранилось до настоящего времени. Странно думать, что эта не совсем красивая история, записанная много веков тому назад, долго служила оправданием рабству. Сейчас ещё, в 1963 году, она служит оправданием расизму, апартеиду и другим несправедливостям по отношению к людям другой национальности или другого цвета кожи.

Итак, в нашем доме только одна Устиния Емельяновна помнила настоящее крепостное право. Она была крепостной графов Шереметьевых и когда «пришла воля», ей было лет тридцать. Она строго различала «людей» и «господ» и иногда довольно забавно реагировала на «не барские» поступки моей мамы. Мне особенно памятна постоянно повторяющаяся история с «людским пирогом». Кухарка Ефимовна готовила только для нас. Для «людей» готовила Елена, птичница, коровница и «чёрная кухарка». Эту Елену мама когда-то взяла из жалости: одинокая, сильно хромая и очень некрасивая девушка бедствовала, а часто и просто голодала. Никто не хотел нанимать её на работу, справедливо считая, что спрашивать сколько-нибудь серьёзную работу с калеки нельзя. Мама пристроила её смотреть за курами. Потом сама Елена стала доить коров вместо кухарки

Ефимовны и, наконец, присмотревшись в кухне, начала готовить для «людей». Тут выяснился её талант: готовила она замечательно вкусно.

Мы никаких постов не соблюдали – мои родители считали, что это лишнее. Устюша не то, что одобряла это поведение, она считала это совершенно естественным. Зато «люди», особенно сильно «кержачившая» Ефимовна, посты соблюдали.

По воскресеньям и праздникам в посту для «людей» пекли пирог из белой муки без сдобы – на одной воде, и лист, на котором его пекли, не мазали маслом, а посыпали мукой. Мама очень любила этот пирог, особенно если начинка была из кислой капусты. Елена это знала и каждый раз приносила маме на тарелке кусок пирога и зелёное конопляное масло на блюдечке. Каждый раз маме попадало от Устюши: она упрекала маму за то, что она не брезгует «людским пирогом», как настоящая барыня, и даже ест его с конопляным маслом, «которое всех дешевле, которое нищие едят» и, наконец, не только сама ест, но и детям даёт – «видно, она не настоящая барыня». Маму эта воркотня только забавляла, и она от «людского пирога» никогда не отказывалась.

Другой «небарский» поступок мамы был в том, что летом она позволяла нам бегать босиком, «как деревенским мальчикам».

Но не только Устинья Емельяновна вспоминала о крепостном праве. В нашем доме была комната, которая называлась «девичьей» – в ней когда-то с утра до вечера сидели «девки» за шитьём и плетением кружев.

Улица (вернее площадь) между заводом и домом управителя называлась «зелёной», потому что тут, под окнами парадных комнат управительского дома совершались когда-то экзекуции и постоянно лежали свежесрубленные зелёные берёзки-розги для устрашения непокорных.

Когда я в 1946 году была с мужем в Париже и поинтересовалась историей этого города, я была удивлена тем, что Гревская площадь, где совершались казни, была расположена под самыми окнами Тюльерийского дворца. Король, который весьма часто жил в этом дворце, мог видеть казни из своих окон. Я тогда подумала: не получил ли салдинский управитель или по-тогдашнему «приказчик» (т.е. человек, имеющий право приказывать), оставивший по себе столь недобрую память, не получил ли он образование в Париже? Ведь Никита Демидов посылал своих рабочих «на выучку» за границу, так же как Пётр I посылал дворян. Не был ли странный выбор места для наказаний простым подражанием французским королям, а не признаком особой жестокости «приказчика», как то считали в Салде? Было бы интересно проверить это.

Как пример совершенно несправедливого наказания рассказывали следующий случай: однажды «приказчик» велел высечь рабочего, который не снял шапки и не поклонился ему.

– Так ведь я же тебя не видел, – возразил рабочий (в Салде по старинке – ещё на моей памяти – всем говорили «ты»).

– Верно, не видел и видеть не мог, – возразил приказчик. – Я стоял за занавеской у окна. Не ты не подумал, что я могу тебя видеть!

И рабочего высекли. С тех пор рабочие, проходя мимо управительского дома, снимали шапку и кланялись. Мне показывали и окно, у которого стоял этот «несправедливый приказчик» – второе окно в зале, если считать от двора.

Несправедливости и жестокости было достаточно, но такого издевательства, как в центральной России не было: не было насильственных браков, не было запрещений жениться или выходить замуж – ведь «приказчик» был не барин, а свой брат рабочий, только получивший образование в Тагильском горном училище или даже за границей. Впрочем, если «приказчик» уж очень распускался, то прилетевшее неизвестно как и откуда полено, кирпичина или камень напоминали ему, что следует быть осторожнее, а иногда, если он был совершенно нестерпим, попросту «переселяли его на тот свет». Виноватых удавалось найти только в исключительных случаях. Такого рода «напоминания» бывали и на моей памяти даже после революции (в 20-х годах).

Сама история крепостного права на Урале не походила на российскую, не было постепенного закрепощения уже живущего на месте русского населения. В уральские леса первым приходил промышленник, разведывал полезные ископаемые, затем всеми силами привлекал людей для их разработки. Так было при Иване Грозном с новгородскими «гостями» (купцами) Строгановыми, разведавшими соляные ключи на севере около Чердыни, так было при Петре I с Демидовыми, разведавшими железные руды Среднего Урала и Алтая.

Для того, чтобы привлечь население в неплодородные и холодные леса Северного Урала Иван Грозный дал Строгановым своеобразное «право убежища» – государевы стражники преследовали преступника только до владений Строгановых. Если ему удавалось добежать до них – его можно было взять только если Строгановы его выдавали. Этим «правом убежища» воспользовалась когда-то ватага Ермака Тимофеевича, разбойничавшая на Волге и поступившая потом на службу к Строгановым. Любопытно, что Строгановы ещё в начале XVIII века считали своих людей

так: «Налицо 44643 человека, да в бегах и в мире скитающихся 33295 человек» (см. Словарь Брокгауза «Строгановы»).

Такое же «право убежища» дал Пётр I и Демидовым и на их заводы побежали все преследуемые за «старую веру». Демидовы никогда их не выдавали. Так образовался тот сектантский центр, который я выше описывала.

Когда пришли Демидовы, на Урале было довольно значительное земледельческое население, особенно на восточном склоне, покрытом толстым слоем рыхлых юрских и третичных осадков. Это были государственные (т.е. не принадлежавшие помещикам) крестьяне. Для того, чтобы быстрее развить добычу железа Пётр I стал «приписывать» эти селения к заводам. «Приписанное» селение было обязано, по требованию заводоуправления, выставлять «по мужику с лошадей с каждого дома», т.е. с каждого хозяйства, имеющего отдельную печь для приготовления пищи. Это была такая же повинность, как барщина. В остальном же обитатели «приписанных» селений ничем не отличались от государственных крестьян.

Сам основатель «династии Демидовых» – Никита Демидов был простым, но очень искусным кузнецом. Таким же был его сын Акинфий. Для них постройка заводов была не способом личного обогащения, а службой государству – они добывали столь необходимое железо. Это как-то осталось в памяти, несмотря на все старания внуков и правнуков Никиты Демидова, которые из кожи лезли, чтобы стать «настоящими барями» – купили себе у Римского Папы княжеский титул «князя Сан Донато», породнились путём брака с семьёй Наполеона Бонапарта. Но княжеский титул в России признан не был, а на заводах просто возбуждал смех. Только одно осталось от него воспоминание – название железнодорожного разъезда «Сан Донато».

И всё же рабочие считали барина Демидова своим. Худо ли, хорошо ли, но он должен был заботиться о том, чтобы в России было своё железо. Когда «пришла воля», Демидовы быстро развязались с вопросом о наделении землёй «мастеровых», т.е. заводских рабочих. Не знаю, что тут больше всего помогло: интеллигентный ли состав заводоуправления, полное непонимание денежных дел тогдашними Демидовыми, желание ли изобразить владельных князей и широким жестом облагодетельствовать своих «подданных»... но так или иначе, когда папа начал работать в Тагиле, вопрос о земле был давно решён.

Иначе сложилось дело в Алапаевске. Этот горный округ с населением в 10 000 человек был продан Демидовыми вышневолоцкому купцу Яковлеву.

Вот какую историю о нём и об его семействе рассказывала в 1914 году Александра Ивановна Манзей, одна из правнучек этого Яковлева:

«Старик был человек даровитый, но своенравный, суровый и требовательный. У него было 6 дочерей и ни одного сына. Его это очень огорчало. В конце концов он всех своих дочерей сослал в Алапаевск на житьё, сам же он переехал в Петербург и в Алапаевске бывал только наездом. Он умер, не оставив завещания. Встал вопрос, что делать с заводами? Это было время царствования Павла I. Доложили императору. Павел I приказал сёстрам приехать в Петербург и явиться к нему. Посмотрев на них, он решил выдать их всех замуж. Им было велено в определённые часы являться в манеж, где были назначены офицерские скачки.

Павел посадил невест в свою ложу и вместе с ними любовался, как молодые холостые офицеры показывают своё искусство верховой езды – женатые, по приказанию Павла, участия в скачках не принимали. Ежедневно, в течение двух недель, во дворце в присутствии императора и его жены происходили балы-смотрины женихов и невест. Наконец, Павел приказал, чтобы девушки указали, за кого из офицеров каждая из них желает выйти замуж. Девицы смутились, но женихи были выстроены в ряд против них и волей-неволей пришлось выбирать. Затем всех, прямо из манежа, повезли в церковь и обвенчали. Одна из сестёр выбрала офицера Манзея, английского эмигранта, уплатила из своей части его долги, и увезла его в имение около Вышнего Волочка, полученное ей при разделе. Не знаю, были ли удачны и счастливы столь поспешно заключённые браки, но заводам, вернее заводским рабочим, они принесли несчастье.

Прежние владельцы Демидовы признавали своих «подданных» людьми и заботились о них насколько хватало их демидовского разумения: не жалели денег ни на медицину, ни на народное образование. Заводская больница в Нижнем Тагиле была построена по последнему слову тогдашней техники и с точки зрения медицинской была гораздо удобнее московских больниц, построенных в одно с ней время – она и сейчас неплохая больница. Для юношей был открыт техникум – Тагильское горное училище; для девушек – «Женское училище» с программой прогимназий. Окончившая девушка получала право преподавать в сельских школах. Летом заводы закрывались «на ремонт» с тем, чтобы дать рабочим время обработать свои участки и собрать урожай. При крупных пожарах, по ходатайству управителя, бесплатно выдавался лес для построек и т.п.

Порой заботы эти были достаточно забавны (см., например, воспоминания моего отца), но что делать, если воспитанные за границей и в Петербурге иностранными гувернёрами «Демидовы – Князья Сан Донато» не имели никакого представления о жизни в заводах?

Иначе относились к делу «Наследники Яковлева». Это были гвардейские офицеры, которые с молоком матери всосали представление о том, что они дворяне «белая кость и голубая кровь», «природные господа» – владельцы заводов и заводы обязаны, как всякое владение, доставлять им как можно больше денег для «достойной» жизни. Для них рабочие были чем-то вроде несознательной силы.

Особенно резко это сказалось во время освобождения крестьян. Тут «Наследники Яковлева» (так официально именовались владельцы Алапаевска) воспользовались случаем смешать «приписанные» селения с купленными «на завод» и переселёнными крепостными и зачислить поголовно все «мужские души» в дворовые мастеровые, а значит освободить без земли. Они хотели этим путём получить дешёвую рабочую силу, рассчитывая, что рабочие, не имея возможности прокормиться, обрабатывая земельные наделы, будут соглашаться на любые условия, лишь бы не лишиться работы и не голодать. Но они не учли, что в Алапаевском округе живут не безграмотные и забытые «овечки»-крепостные, а во-первых, потомки дружинников Ермака Тимофеевича, во-вторых, потомки бежавших от религиозных преследований староверов (князей и бояр), которых в своё время укрыли Никита и Акинфий Демидовы в своих владениях и которые предпочли стать крестьянами рабочими и служащими Демидова, но не поступиться тем, что считали святыней.

Приписанные к заводам селения «воли не приняли»: они прогнали с сельского схода фельдъегеря, привёзшего им царский манифест и «Положение о временно обязанных», т.е. правила, которым они были обязаны подчиняться, пока происходит раздел земли между помещиками и крестьянами.

«Мы спокон века вольные государевы (государственные) крестьяне и освобождать нас нечего» – и точка.

Фельдъегерю пришлось уехать, не вручил документа сельскому старосте. «Наследники Яковлева» пытались вручить «волю» с помощью военной силы, но небольшая пехотная часть, посланная на это дело, была разгромлена. С большим трудом, с помощью артиллерии было взято и сожжено самое непокорное селение – кажется, Нижняя Синячиха. На страх врагам, место, где она стояла, было даже распахано, но это никого не

испугало: было ясно, что придётся брать с бою каждое селение, каждый завод.

Александр II приказал прекратить эту войну с мирным населением:

– Оставьте этих шершней. Пусть они владеют той землёй, которую обрабатывают.

Но «наследники Яковлева» не смирились и затеяли бесконечную судебную волокиту, доказывая, что на заводах работают их крепостные – дворовые мастеровые. Крестьяне и рабочие стояли на своём:

– Мы вольные государевы крестьяне.

Утверждая свою волю, они называли многие селения не деревнями, а «слободами» – жилищем свободных людей.

Начался суд, и крестьяне предъявили грамоту, данную царём Алексеем Михайловичем, отцом Петра I, который за себя и за всех своих потомков обещала не отдавать их помещикам. «Наследники Яковлева» всеми правдами и неправдами тянули дело, перенося его с одной инстанции на другую и, наконец, уже в самом конце XIX века довели его до сената (так назывался тогда Верховный Суд). Тут им удалось, уже не знаю, с помощью какой махинации, добиться решения в свою пользу. Крестьянин, защищавший права своих односельчан, в отчаянии повесился в самом здании Сената. Это произвело страшное впечатление на сенаторов. Дело приостановилось...

Положение создалось невозможное и «наследники Яковлева», люди вполне интеллигентные и, может быть, сами по себе не такие уж плохие, были рады любой ценой избавиться от позора, в который попали благодаря своей жадности. Они решили пригласить на должность управляющего Алапаевским горный округом моего отца, которого рабочие любили, и поручили ему «наделить мастеровых землёй». Папа согласился закончить эту весьма некрасивую историю, но потребовал полной власти: «чтобы никакое С-Петербургское управление делами в вопрос о выделении землёй не мешалось». На это владельцы пошли, и мы в 1902 году переехали в Алапаевск.

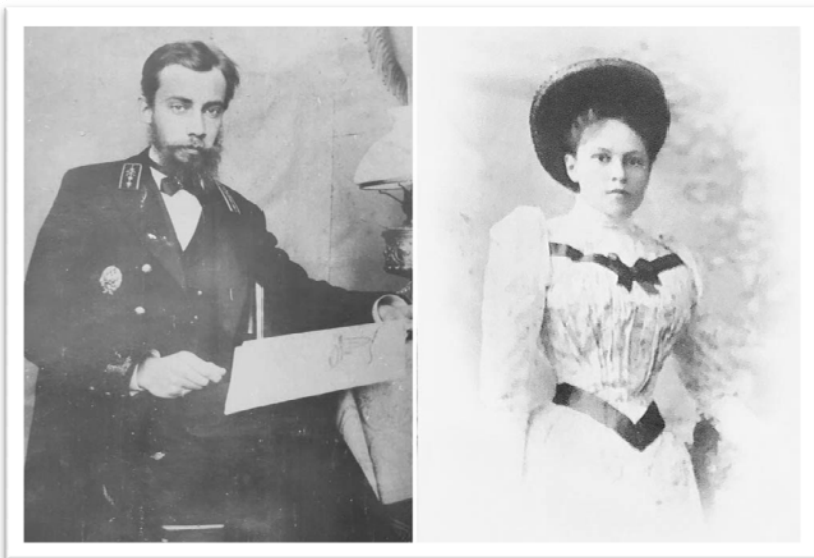
Положение там создалось действительно очень тяжёлое: люди были утомлены и возбуждены бесконечной судебной волокитой и нерешённым вопросом о земле. Завод задыхался от недостатка руды – мелкие, лежавшие на поверхности месторождения бурого железняка частью были уже выработаны, частью кончались. А между тем владельцы, вернее нанятый ими управляющий француз, желая получить возможно скорее возможно большую прибыль, не разведав руды, построил новый завод на реке Нейве в 2 километрах от старого построенного на реке Алапахе.

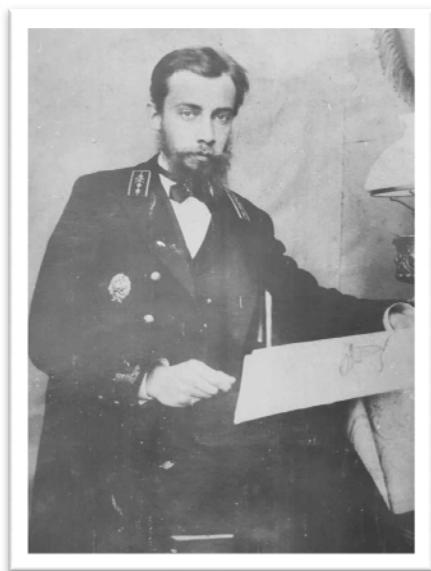
Владимир Грум-Гржимайло
в школьные годы

В.Е. Грум-Гржимайло
в молодости

Родители Маргариты - В.Е. Грум-Гржимайло и С.Г.Тиме

В.Е. Грум-Гржимайло в Н.Салде

Софья Германовна Тиме
Петербург, 1894 г.

Софья Германовна
с Маргаритой и Колей

Маргарита, Коля,
Володя и Серёжа

Алеша Грумм-Гржимайло

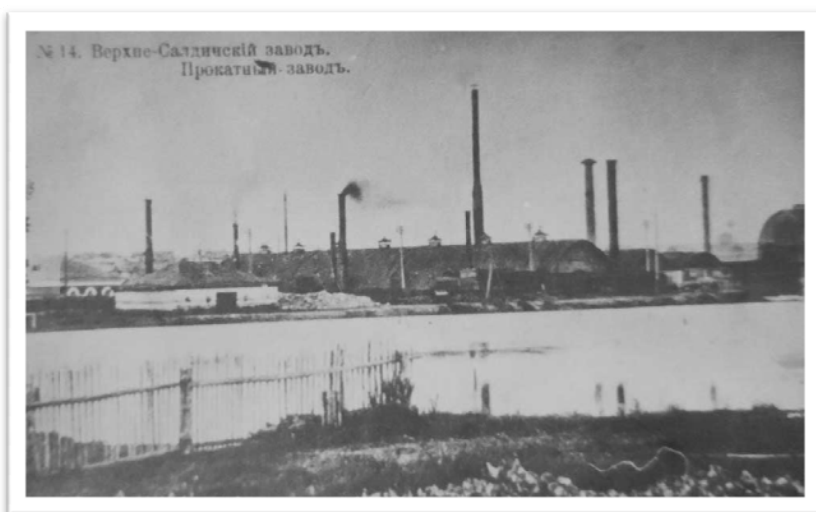
С.Г. Грум-Гржимайло, 1905 г.

Церковь в В.Салде

Вид с плотины Верхнесалдинского завода

Верхнесалдинский завод

Дом управителя завода в Верхней Салде

Заводская контора в В.Салде

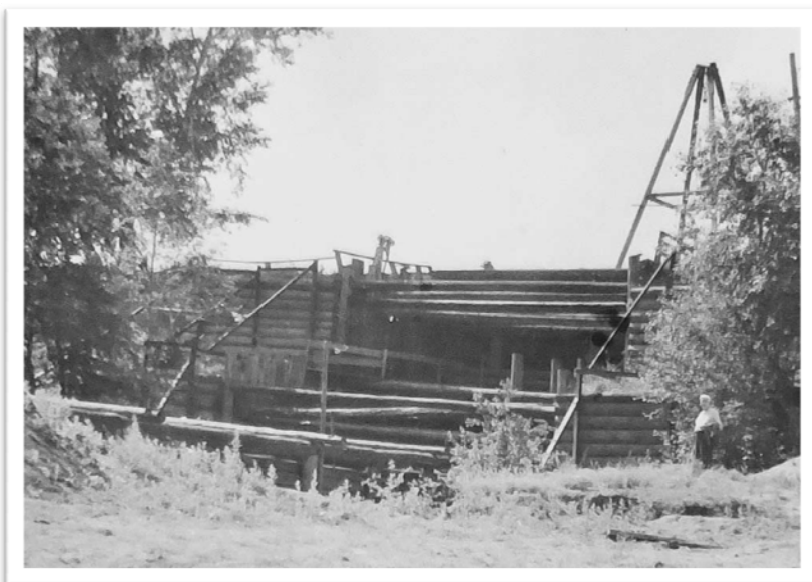
Григорий Ефимович, Екатерина Ефимовна,
Владимир Ефимович и Маргарита Михайловна Грум-Гржимайло

Групповой портрет учителей земской школы
с В.Е. Грумм-Гржимайло, 1902 г.Н.Салда

Иса, листопрокатный цех ВСМЗ, закрыт в 1910 г.

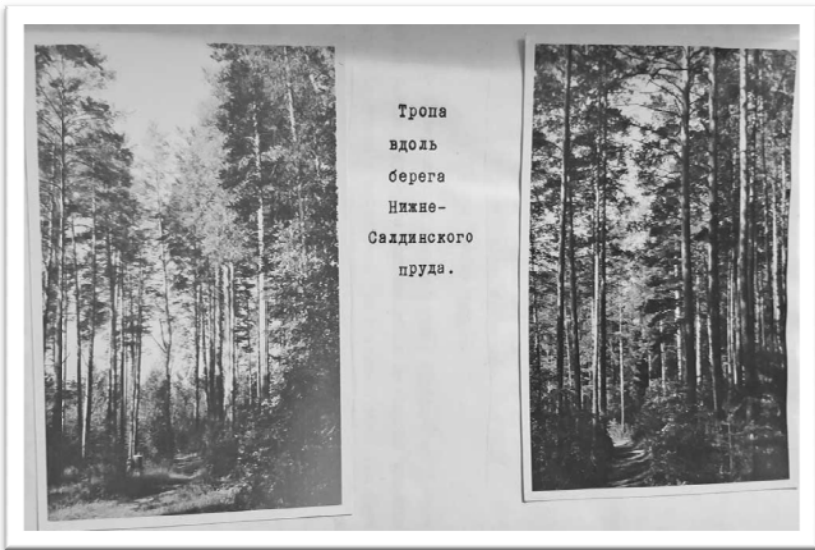
Плотина Исинского завода

У плотины Исинского завода

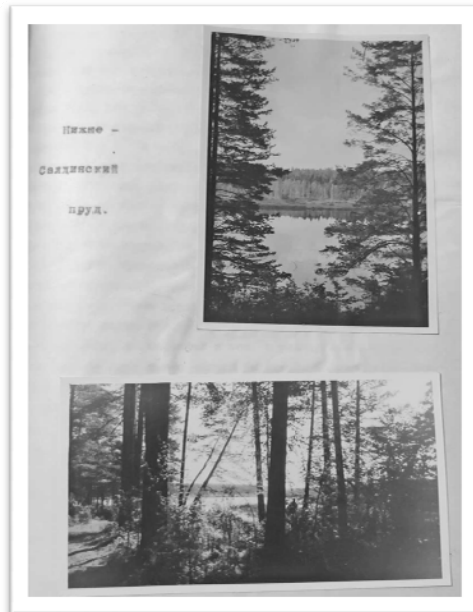

Река Иса

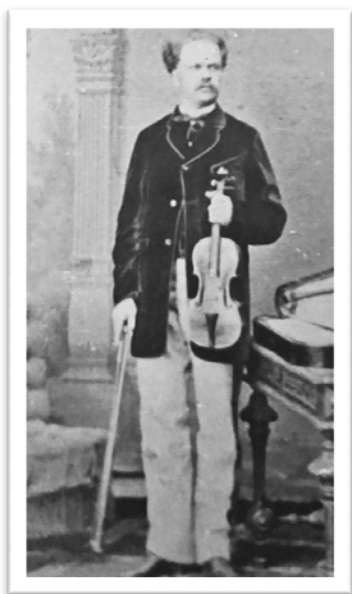
Тропа
вдоль
берега
Нижне-
Салдинского
пруда.

Тропа вдоль берега Нижне-Салдинского пруда

Нижне -
Салдинский
пруд.

Нижнесалдинский пруд

Герман Августович Тиме

Артур Петрович Цилякус

В.Е. Грум-Гржимайло и земский
начальник Дементьев

Титульный лист воспоминаний
М.В. Дурденевской

Дом управляющего в Алапаевске

Бывший дом управляющего в Алапаевске

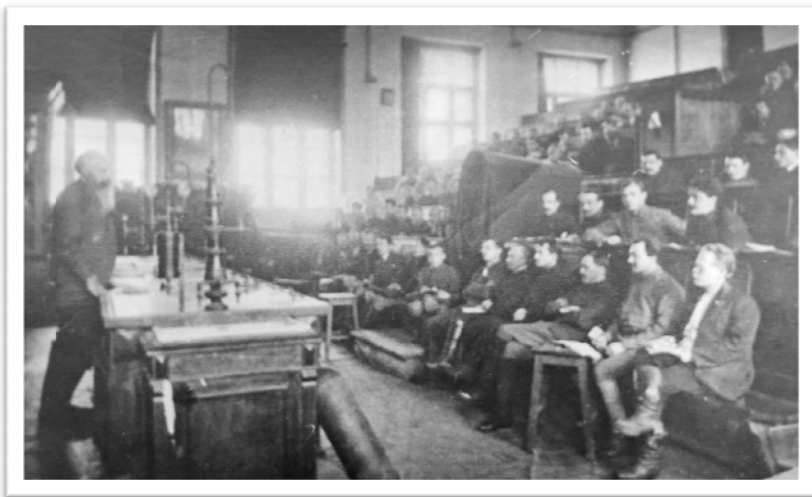

Открытие мемориальной доски композитору П.И.Чайковскому в Доме управляющего в Алапаевске, в центре В.Е. Грум-Гржимайло

Служащие Алапавского завода на проводах инженера В.Е. Грум-Гржимайло, 1907 г.

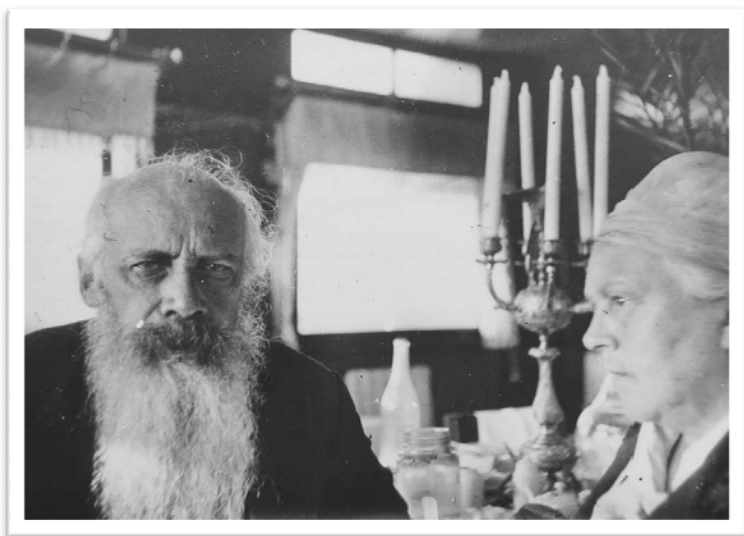
В.Е. Грум-Гржимайло читает лекцию инженерам-уральцам
в Томске, 1919 г.

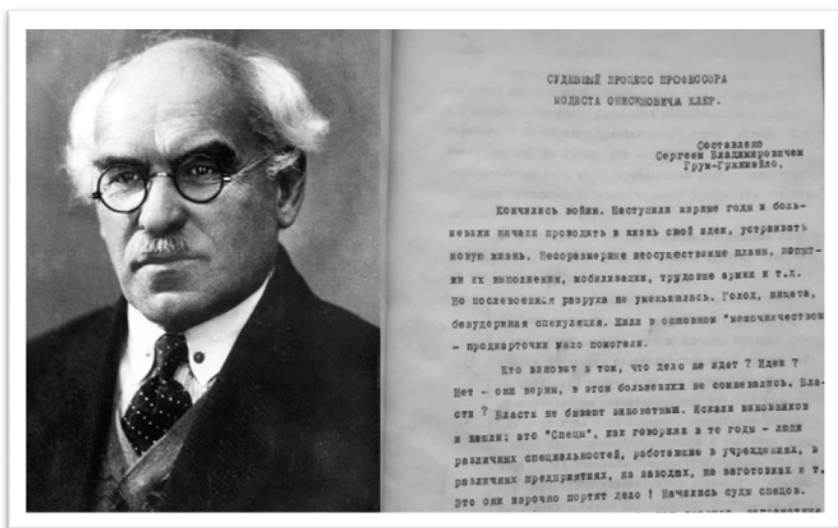
Рабочий кабинет В.Е. Грум-Гржимайло

В.Е. Грум-Гржимайло за работой

Владимир Ефимович и Софья Германовна Грум-Гржимайло
на Волге, 1928 г.

Модест Онисимович Клер и воспоминания о судебном процессе, составленные Сергеем Грум-Гржимайло

Похороны В.Е. Грум-Гржимайло, 30 октября 1928 г.

Только лесные угодья, благодаря стараниям лесничего Фёдора Ивановича Морозова, были в порядке. (Кстати, Фёдор Иванович Морозов был потомком знаменитой боярыни Морозовой).

В довершение всех бед царское правительство почему-то избрало деревню Алапаху, лежавшую выше завода по реке, местом ссылки «в места не столь отдалённые» и там поселились, по-местному выражению, «сильно каторжные», т.е. люди, отбывавшие административную ссылку после каторги. Это были, в большинстве случаев, социал-революционеры. Они не теряли случая усилить всеобщее возбуждение.

Итак, мы приехали в Алапаевск. Бедная моя мама сразу почувствовала это напряжённое настроение. Вот как она описывает приезд:

«Нас встретил заводской служащий Любимов, показал квартиру, отдал ключи, приёмочные книги на мебель, посуду, серебро, бельё и пр. и ушёл. Не скажу, чтобы осталось приятное впечатление, как-то показалось холодно, одиноко... Квартира большая – 15 комнат, но много приёмных комнат, а домашних семейных маловато для нашей семьи...»

Общество в Алапаевске было непохоже на салдинское – было много лиц, имевших высшее образование. Алапаевск (его иногда называли «город Алапаевск») был административным и техническим центром горного округа, таким же, как Тагил у Демидовых. Управляющему, т.е. моему отцу были подчинены, кроме двух заводов в самом Алапаевске, ещё 12 заводов, рудников, лесных угодий.

В каждом заводе был инженер-управитель, были и младшие инженеры; было два врача – заводской хирург и земский терапевт; было много учителей – в Алапаевске кроме одноклассных и двухклассных школ было городское училище, ремесленное училище, женское училище для девочек – преподавали там учителя, имеющие университетское или педагогическое образование.

Быстро были заведены знакомства – обычай повелевал всякому вновь приехавшему зайти ко всем местным жителям, с которыми он хотел быть знакомым. Это называлось «сделать визиты». Жизнь начала входить в обычную колею, только папа, вместо своей голубой холстинковой рубашки, стал надевать парадный сюртук – это была дань общественному мнению. Алапаевцы считали неприличным, что их управляющий горным округом ходит в такой же рубашке, как рядовой рабочий. Но не прошло, кажется, недели, как папа сменил стесняющий его сюртук на нарядную тёмно-синюю богато вышитую рубашку, подарок его матери – бабушки Маргариты.

Прошло ещё два дня. Вдруг такая крупная авария на заводе, что управитель Оскар Густавыч Адольф совершенно растерялся. Папа вбежал в спальню:

– Соня! Голубую рубашку!

Мама её подала, папа мигом переоделся и убежал. Вернулся он в безнадёжно вымазанной рубашке и с тех пор оставался верен своей «голубой холстине», несмотря на все разговоры окружающих.

– Вы сами посудите, – возражал он ревнителям приличий, – ведь неловко и жалко лезть под машину в сюртуке. А рубашка... ну измажу, ну изорву... надену новую – они стоят недорого.

Глядя на него, нарядились в рубашки и молодые практиканты, и управители заводов: ведь неудобно стоять простым зрителем, когда управляющий округом «лезет под машину», чтобы своими глазами увидеть причину аварии.

Помню такой случай: однажды «сел» свод мартеновской печи. Когда печь остыла, ни папа, ни кто из рабочих не мог влезть в неё – садочное окно, через которое загружали печь, было слишком мало, да к тому же загромождено обломками обвалившегося свода. Папа вернулся домой обедать, и увидя меня в саду, решил, что я достаточно мала и худа, чтобы пролезть, куда он укажет, и достаточно умна, чтобы подать ему то, что он потребует (мне было 8 лет). После обеда он взял меня с собой на завод и засунул в печь. Я влезла туда с трудом, сильно оцарапав руки, плечи и колена. Папа подал мне молоток. Я выбивала, а частью выковыривала те кирпичи, которые он мне указывал, он на них надписывал и заворачивал в газету. Затем он вынул меня – опять не без труда – из печи и мы уехали домой.

Добытые образцы исследовались в заводской лаборатории. Из них сделали шлифы и рассматривали под микроскопом. Папа нас, детей, водил в заводскую лабораторию и показывал шлифы под микроскопом. Они были очень красивы – сияли и меняли окраску в поляризованном свете при повороте столбика микроскопа... Это была папина работа об огнеупорных материалах.

Но нельзя было ограничиваться только повседневным руководством заводами: нужно было как-то обеспечить рудой доменные печи нового завода и «наделить мастеровых землёй». Папа предложил им земли по речным долинам, великолепные покосы с глубокой, рыхлой почвой. Но «мастеровые» отказались. Они боялись, что это опять подвох со стороны заводовладельцев.

– Надели ты нас по закону, Владимир Ефимович, нарежь земли около селений, – просили они.

Но папа не забывал свои доменные печи. Были указания, что месторождения железа в округе есть, но папа не стал искать их с помощью шурфов и скважин, как это делали Ильеро и Морен, служившие до него. Он взял «быка за рога», пригласил молодого инженера-геолога Николая Степановича Михеева и предложил ему составить геологическую карту округа. Денег за эту, казалось бы, чисто теоретическую работу он не жалел. Михеев принялся за работу; шаг за шагом, при деятельном участии папы, стало выясняться геологическое строение округа. Оно оказалось уж не таким безнадёжно сложным. Была найдена руда – заводской склад руды был переполнен, домны были обеспечены рудой.

Теперь, когда стали известны места залегания железных руд, можно было приступить к наделу крестьян землёй. Крестьяне сами выбирали себе участки земли и получали их, если это не грозило интересам завода.

Так, в 1904 году было закончено «наделение мастеровых землёй», тянувшееся с лишком сорок лет.

Глава III

Алапаевские пожары

На заводах беспокойно, но мы, дети, жили по-прежнему – от нас всё скрывали, что только можно было скрыть. И всё же мы очень много видели и слышали: мама нервничает, в Алапаевске постоянные пожары-поджоги; у потайной калитки сада, прямо под окнами нашей детской, постоянно дежурит осёдланный Сивка...

Дедушка позвал нас в винный подвал помочь ему переложить бутылки с вином – нужно освободить место. Широкое окно подвала, через которое подавали в подвал привезённые бутылки, выходит во двор. Мы видели, как во двор вошла большая толпа рабочих. Папа вышел на крыльцо, что-то довольно долго говорил с ними, потом они ушли.

Вот как мама в своих воспоминаниях описывает эту сцену:

«Подхожу я к окну и вижу, что к нам во двор валит толпа народа, наполовину пьяные. Я пришла к Владимиру Ефимовичу и говорю:

– Ты уезжай. Осёдланная лошадь стоит у потайной калитки сада, а я выйду и скажу, что ты куда-то уехал.

Он не согласился и решительно отказался оставить меня одну с детьми.

Делать нечего. Толпа уже заполнила двор, и раздался звонок на парадном входе. Отворяю дверь.

– Здравствуйте. Кого нужно?

– Владимир Ефимович дома?

– Не могу сказать. Подождите, я узнаю. – Иду к Володе и говорю:

– По-моему, толпа настроена мирно.

Он вышел со словами:

– Зачем вам меня, ребята?

Рабочие мирно предъявили ему свои требования с просьбой похлопотать.

1) Восьмичасовой рабочий день (был 12-часовой) и ввести третью смену;

2) Увеличение заработной платы;

3) Участие в доходах завода.

Возможно, я пишу не совсем точно. Владимир Ефимович им объяснил, что до него уже дошли слухи об их требованиях, и он уже написал об этом владельцам. Сам же он в настоящее время ничего поделывать не может, так как он такой же наёмный служащий, как и они. Всё, что он может сделать, он делает, но ни за что не отвечает.

Муж умел пошутить, посмешишь. Пошёл общий весёлый разговор. Толпа разошлась на этот раз благополучно».

Не знаю, прятал ли нас дедушка в подвале или это вышло случайно. А спрятать там он мог – дверь в подвал находилась в тёмном без окон коридорчике, и была хорошо замаскирована, чтобы не портить красивую стену коридора, который вёл в деловой кабинет управляющего. Найти эту дверь было нелегко, это мог сделать только тот, кто знал, где она находится...

Наш дворник нашёл подброшенное письмо: «Бойтесь Ефима Соловьёва, он придёт убить Владимира Ефимовича». К удивлению всей нашей кухни, папа не обратил внимания на предупреждение и распорядился привести к нему Ефима, как только он придёт. Ефим пришёл, папа пригласил его в кабинет, велел подать чай. Потом Ефим ушёл...

Около наших ворот прохожие нашли бомбу. Она была маленькая, круглая, с металлическими шипами. Потребовали простыню, осторожно вкатили в неё бомбу и собрались отнести её подальше. Мама вышла, увидела и расхохоталась: это была подвеска, украшавшая шторы в гостиной. Новенька горничная Дуня отломилась и, боясь, что её будут бранить, закинула её на улицу подальше...

Опять получили подмётное письмо: «Бойтесь Ефима Соловьёва и Ивана Кабакова: они придут убивать Владимира Ефимовича».

И опять папа приказал их пустить и долго ходил с ними по саду. Потом они ушли.

Вот как об этом рассказывал впоследствии Ефим Агнии Гавриловне Морозовой:

«...Нужно было убить Владимира Ефимовича, чтобы захватить завод в свои руки – он бы не позволил. Жребий пал на меня. Я не хотел, было стыдно убивать хорошего человека. Всё же пошёл. К удивлению, меня приняли, а ведь я знал, что подмётное письмо получено – я же сам его и писал. Позвал меня Владимир Ефимович в кабинет и велел подать чаю. Принесла Дуняша на подносе два стакана чая, сахарницу и вазочку с сухариками. Один стакан Владимир Ефимович взял себе, другой подал мне. Пьёт чай, сухарики грызёт и со мной о делах говорит. А ведь я знаю, что письмо получено, а он нисколючки не боится. Выпил стакан, велел подать другой, положил сахар, мешает и хоть бы у него рука дрогнула, хоть бы ложка о стакан звякнула! Револьвер у меня в кармане. Если бы он боялся, я бы его убил... А так... не могу. Ушёл.

Гаврила и Иван Кабаковы надо мной насмеваются. Иван говорит:

– Я тебе помогу.

Я опять письмо подбросил. Думаю, авось всё-таки испугается и не пустит. Пошли мы с Иваном и Гаврила с нами пошёл. У меня револьвер, Иван «фомку» в карман сунул («фомка» – это короткий ломик), а у Гаврилы ничего нет – так пошёл.

Встретил нас Владимир Ефимович во дворе и говорит:

– Пойдёмте в сад, погода уж очень хороша.

Пошли. Я с Владимиром Ефимовичем иду впереди, разговариваем, а Иван с Гаврилой сзади. Ходили, ходили, всё переговорили и ушли. Говорю Ивану:

– Ну, что же ты? Стукнул бы сзади по темечку – и делу конец.

– Не могу, – говорит Иван. – Он не боится, да и человек-то он уж очень хороший...

Тут я револьвер этот на стол и бросил.

– Больше, – говорю, – не пойду...

Потом солдаты пришли и меня арестовали. А Владимир Ефимович на суде сказал:

– Приходил Ефим, и не раз. Говорили о заводских делах, а насчёт того, чтобы убивать – так я этого не знаю. Мало ли, кто что болтает! Если каждой анонимке верить, можно и с ума сойти.

(Примечание: Обстоятельства, при которых Ефим Соловьёв рассказал Агнии Гавриловне Морозовой приведённое выше, были далеко не обычны.

Осень 1918 года. Муж Агнии Гавриловны Фёдор Иванович Морозов расстрелян красными как заложник. Алапаевск занят белыми. Ефим

Соловьёв арестован и приговорён к смерти за участие в убийстве великих князей летом 1918 года в Алапаевске.

Перед казнью он просит вызвать Агнию Гавриловну, чтобы ей что-то сказать. Его просьба была удовлетворена. Надо сказать, что расстрелянный Фёдор Иванович Морозов и вообще семья Морозовых была одной из самых уважаемых семей в Алапаевске.

Когда Агния Гавриловна вошла по приглашению властей в отведённую для свидания комнату, она увидела в комнате столик, два стула и большой платяной шкаф. В шкафу, конечно, сидел свидетель.

Ефим Соловьёв рассказал приведённое выше. Он не был расстрелян белыми. Но всё-таки он был расстрелян во время «культы личности» как бывший эсер.

Добавлено Сергеем Грум-Гржимайло.)

Вырезка из газеты

«Алапаевск».

Май месяц для жителей нашего захолустья был месяцем тревог и ожиданий чего-то ужасного. Первого мая забастовали заводские рабочие, начиная же с 9 мая и до 16-го каждый день были пожары, или если какой день и прошёл без пожара, то обнаруживались поджоги и ловились даже поджигатели, исключительно дети...

Жгли заводские дома или квартиры заводских служащих, но сожгли и много частных жилищ, например, у одного купца Абрамова, в одном из домов которого жил местный земский начальник г.Дементьев, 12 мая сгорело целые пять домов со всеми надворными постройками. Свой убыток от пожара Абрамов определяет в 25000 руб. У земского начальника сгорела большая часть имущества. Всего за указанный период было пять пожаров, сгорело 27 домов. Паника в жителях, особенно живущих вблизи квартир заводских служащих, ужасная, многие выехали из своих квартир к реке, на окраины или на площади.

Петербургское заводское правление, узнавши о происшествиях, уведомило телеграммой управляющего заводами, что потерпевшим служащим будет выдано вспомоществование, кроме того, всем выражена благодарность за разумное и энергичное отношение к «успокоению умов».

Работы в заводе не производятся; домны выдуты; 15 мая прибыли две роты солдат.

Недавно состоялся приговор обществом, которым постановлено выслать из Алапаевска, как вредных людей, 20 человек».

Был большой пожар на дровяной площади. Папа ездил с земским начальником. Их закидали камнями.

Дровяные площади завода были на противоположном берегу реки Нейвы, на Еланской Горке, спуск с которой был очень крут. Расчёт был, видимо тот, что испуганная лошадь понесёт с горы и либо расшибёт экипаж на неровной каменной дороге, либо вывалит на камни, либо не сможет повернуть на мост – поворот был очень крутой, под прямым углом, и утопит в реке. Но Сивка не подвёл, с горы спустился шагом.

Может быть тут была стрельба, как пишет мама, но я не помню, чтобы об этом говорили. Папа считал, что камни «относились» к земскому начальнику, которого не любили, а не к нему...

8 часов вечера. Мы играем во дворе, ожидая, когда нас позовут ужинать, а потом отправят спать. Коля сидит на крыльце и обтёсывает детским топориком какую-то щепку. Вдруг за забором нашего огорода вырывается огромный клуб чёрного дыма и одновременно раздаётся набат. Выбегает папа, на ходу выхватывает у Коли топорик и мчится по двору. Детский топорик сверкает у него над головой, а клубы дыма всё выше и выше. Мелькают ярко-красные языки пламени... Эта картина врезалась в мою память и, если бы я была художником, я свободно нарисовала бы её.

Мама на чёрном крыльце распоряжается, чтобы коровница выгнала бы коров на улицу, а кучер запрягал бы лошадей: дышловых в большую четырёхместную коляску, Сивку в коробок, водовозку в бочку для воды.

Потревоженную куры кудахчут, не хотят слетать с насеста. Старик сторож мчится на водовозке к пруду за водой. Кучер Филипп подаёт к крыльцу дышловую пару. Мама оборачивается, чтобы посадить нас, а нас нет. Кто-то, кажется, Устюша, увела нас, чтобы мы не мешали, и увела почему-то в сторону пожара через огород на малую веранду. Там мы имели полную возможность видеть страшнейший костёр – горел деревянный дом, облитый керосином. Перепуганная мама бежит нас искать. Ищет в доме, в саду и, наконец, находит на самом неподходящем месте – ближе всего к огню, на деревянной веранде, но, к счастью, всех вместе. Она ведёт нас во двор и на ходу говорит:

– Когда пожар, нельзя бегать, надо сесть там, где стоите и ждать меня. Кто бы ни приходил, что бы ни говорил – сидите, пока я не приду. Ты, Мура, старшая, запомни: что бы ни случилось, сидеть и ждать меня. Смотри за братьями, чтобы они не убежали...

Мы садимся в экипаж, с нами дедушка с Алёшей, Устюша с Юрой на руках. На подножку взбирается дрожащая Дуня – горничная:

– Позвольте ехать.

Ей, конечно, позволяют.

– Вези на городское училище, потом вернёшься помогать Владимиру Ефимовичу, – говорит мама Филиппу. – На Сивке поеду я без кучера.

К маме походит рабочий:

– Софья Германовна, разреши вытаскивать вещи. Пожар-то ведь рядом, как бы ваш дом не загорелся.

Мама запирает парадную дверь на ключ, ключ кладёт в карман.

– Гори костром, – говорит она.

– Ну и баба! – в полголоса ворчит удивлённый Филипп, разбирая возки. Мы уезжаем.

Городское училище построено на высоком противоположном берегу пруда. Это трёхэтажное кирпичное здание. Против него, через широкую улицу, находится заводской клуб, тоже кирпичное здание, окружённое большим садом. В городском училище нас встречают: Настасья Ивановна, жена земского начальника, Инна Павловна, жена доктора, и всё семейство Трубецковых. Подождён дом земского начальника, а деревянные дома доктора и Трубецковых находятся через улицу от пожара. Инна Павловна старается меня успокоить, сажает на окно и говорит:

– Смотри, Мурочка, ваш дом совсем не горит.

Уже стемнело, но от пожара довольно светло. Наш дом и сад выделяется чёрным пятном, а позади – море пламени. Среди освещённых площадей стоит чей-то двухэтажный кирпичный дом без крыши. Он розовый – отсвечивает, точно раскалился. Зрелище устрашающее, но я им невольно любуюсь. Потом отвожу глаза и вижу в окне клуба маму.

– Мама! – кричу я и лечу, как сумасшедшая, вниз по лестнице, дальше через улицу... Но дверь клуба заперта, и около неё стоит солдат.

– Сюда, девочка, нельзя.

Я не слушаю: «Мама, мама...»

Солдат отталкивает меня, грозит штыком, замахивается прикладом – напрасно. Я бросаюсь на него с кулаками...

– Мама! Там мама!

Офицер видит из окна эту сцену и кричит солдату:

– Пропусти!

И вот я в объятиях мамы. Солдат с облегчением вздыхает:

– Ну и сумасшедшая же ты девочка! Я всё боялся, что ты налетишь на штык.

Оказывается, только что пришли солдаты. Папа просил прислать их для охраны завода, вместо заводских сторожей, которые бастуют вместе с другими рабочими. Это пехотинцы, ещё не демобилизованные запасные и

ратники ополчения. Все острижены по форме, но с бородами. Молодых совсем нет.

Клуб временно превращён в казарму. Везде вещевые мешки, кучи шинелей в скатках, составленные в пирамиды ружья, но людей, кроме одного офицера и часовых, нет – они ушли тушить пожар.

Инна Павловна приводит Колю, Володю, Юру и дедушку с Алёшей. Большого Серёжу мама привезла сама.

Теперь, когда мы с мамой, нас одолевает усталость, хочется спать. На полу места нет, и мама кладёт нас в повалку на бильярд, всех вместе, и больного дифтеритом Серёжу вместе с нами: ему только что сделали лечебную прививку, но разбирать некогда.

Жёстко, неудобно, но усталость берёт своё, и мы засыпаем. Утром, едва рассвело, нас разбудила мама.

– Поедем домой, дети!

Опять подана дышловая пара. Мы приезжаем домой, идём мимо столовой в детскую. Вчерашний ужин нетронутый стоит на столе, как сейчас помню: шпинат с яйцами и жареный хлеб. Всё, конечно, давно остыло. Я с удовольствием поела бы, но почему-то совестно просить.

Мы раздеваемся и ложимся. Какие удобные, мягкие у нас постельки! Глаза сами закрываются – сейчас усну.

Бам, бам, бам, бам... – звучит набат на пожарной каланче.

Баам, баам, баам... – вторит на полторы октавы ниже колокол на конторе. Значит, пожар большой. Вбегает мама, она ещё не успела раздеться.

– Скорей одеваться! Опять поджог! Около конторы.

Кое-как одеваемся. Лошади уже поданы. Едем в клуб. Там опять нас встречают только часовые. Солдаты опять на пожаре, но вчерашнего беспорядка уже нет. Ружья составлены на крытой террасе, шинели висят на вешалке, вещевые мешки убраны. Бильярдная совершенно очищена, там на полу постели Анастасии Ивановны и каких-то незнакомых погорельцев. Из дому нам привезли наши подушки и одеяла и опять нам устраивают постель на бильярде. Устюша и Дуня стелют себе на полу. Оказывается, офицеры пригласили нас пожить в казарме, пока не минует опасность, а в нашем доме по очереди будут жить солдаты.

В полдень кучер Филипп привозит нам обед. Приходит обедать и папа и рассказывает: подожгли за конторой дома за четыре и пустили огонь по ветру, а ветер был сильный и на нашу конюшню с сеновалом. Загорелся дом, второй, третий, четвёртый... но тут вдруг ветер повернул, и огонь ринулся от нас. Сгорело много домов. Наш дом оказался на пустыре –

кругом всё выжжено, только чудом уцелело несколько домиков между двумя пожарищами, как раз против нашего огорода.

Вечером кухарка Елена пришла навестить своего любимца Серёжу и узнать, как его здоровье. Она рассказывает:

– Все говорят, что это чудо, что такой ветер повернул и ни одна искра на сеновал не попала. Не иначе, как икона у нас чудотворная.

– Какая же? – спрашивает папа.

– Да та, что в кабинете. Недаром Вы её так бережётё.

Потом несколько раз приходили мужики с просьбой:

– Променяй нам икону, Владимир Ефимович! (Икону продавать нельзя – их можно только менять).

Папа отказывал:

– Родительским благословением не торгую! – это была икона, которой бабушка благословила папу и маму перед свадьбой...

Из клубного сада видно, что на крышах домов, сколько хватает глаз, стоят бочки с водой и сидят люди – караулят, но теперь больших пожаров уже нет. В помощь небольшой алапаевской пожарной дружине выделено человек 50 солдат с вёдрами, топорами и ломami. Это серьёзная помощь... Солдаты ходят по улицам, нюхают руки у прохожих – если пахнет керосином, пожалуйста в казармы. Там офицер разберёт.

Пойманы «на месте преступления» несколько совсем странных поджигателей – ребят лет 6-7.

– Зачем вы это делали? – спрашивает офицер.

– Дяденька дал пряников и ещё обещал дать...

– Какой дяденька?

– Чужой.

Детей водят по улицам, чтобы они показали «дяденьку», но дяденька, конечно, не стал дожидаться, пока его арестуют. Пожары-поджоги постепенно затихают...

Я стою с папой на улице у калитки клубного сада. Мама не позволяет нам выходить на улицу, но с папой можно.

Мимо нас на извозчике едет странная группа: дальше от нас, на сидении пролетки сидит полицейский, рядом с ним какой-то рабочий, а на подножке, со стороны рабочего, стоит второй полицейский, держась одной рукой за козлы кучера, другой за опущенную крышу пролетки. Он не даёт арестованному соскочить с этой стороны.

Вдруг арестованный встаёт, снимает шапку и низко кланяется папе. Папа отвечает на поклон.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Ефим Соловьёв.

Ефим Соловьёв садится, и пролетка проезжает мимо...

Всё как будто бы успокоилось. Заводы стоят. Рабочие спокойно страдают на своих участках, уверенные, что дома их надёжно охраняются и поджогов не будет.

Но вот опять тревога: исчезло чуть ли не три четверти солдат. Проходит день – их нет; нет и на следующий день. Наконец находят их в деревне Алапаихе на чердаках, сеновалах, в огородах, в подвалах, в подпольях – все пьяные. Оказалось, что случайно в Алапаевск прислали солдат родом из Алапаихи и соседних деревень. В Алапаихе был престольный праздник. Все, кто мог, отправились туда и так там напировались, что не явились в казарму на проверку. А потом: семь бед – один ответ. Продолжали пировать, пока их не нашли. Виновных не наказали, а прочли им хорошую нотацию. Наказывать было опасно.

Не потому ли пребывание у нас солдат протекало так мирно и не было столкновений между ними и рабочими? Ведь солдаты были все «свои», да и то, что им поручали – борьбу с поджогами и тушение пожаров – не могло вызвать протеста ни у одного здравомыслящего человека.

Эта история с исчезновением солдат каким-то образом дошла до владельцев и эти умники решили: Алапаевск не усмирён, потому что войска мироволят местному населению. Нужно послать настоящие войска, чтобы взять рабочих в ежовы рукавицы. Владельцы выхлопотали, чтобы в Алапаевск прислали дикую дивизию.

Когда папа узнал об этом, он пришёл в ужас. Дикая дивизия была самая надёжная часть для «усмирения революции», из войск царского режима. Это была конница, набранная на Кавказе; состояла она из горцев, почти не понимающих русского языка. Командирами были местные князья, команда подавалась на местном, не на русском языке и нравы их были самые «кавказские». Эти нравы прекрасно описаны Лермонтовым в его «Герое нашего времени» – вспомните Казбича в рассказе «Бела». Так вот, представьте себе с одной стороны сотню Казбичей, с другой – несколько тысяч полусибиряков уральских рабочих, вооружённых чем попало, но имеющих объединяющий центр в Алапаихе и прекрасно знающих местность. Впрочем, среди рабочих было немало охотников, которые ходили на медведя, значит имели соответствующее оружие и умели им пользоваться. Чем бы кончилось это столкновение – предсказать было трудно, но было ясно, что крови прольётся много.

Папа спешно поехал в Пермь, чтобы хлопотать о замене Дикой дивизии каким-либо другим войском, хотя бы казаками.

Встретить Дикую дивизию должна была мама. Был составлен следующий план: в первый же день, когда придёт Дикая дивизия, мама пригласит офицеров на обед, во время которого предложит им перейти из казармы в наши комнаты для приезжих, а там будет держать их в состоянии такого опьянения, чтобы они не могли сесть на лошадь. В помощь маме были мобилизованы все алапаевские любители выпить; они должны были по очереди приходиться в гости и пировать с офицерами. Чтобы какой-либо пьяный не обидел маму, к ней был приставлен молодой инженер Артур Петрович Цилиакус, швед по национальности, родившийся в Финляндии. Он был высок ростом, широкоплеч и очень любил показывать свою силу, сгибая и разгибая кочергу, жонглировать нашими тяжёлыми дубовыми стульями. Пить он мог, как бездонная бочка и никогда не пьянел. Он добросовестно выполнял свою роль защитника и в присутствии пьяных ни на шаг не отходил от мамы.

Наш дом приготовился к «осаде». Исчезли наши милые скромные горничные. Вместо них появились странные особы, в страшно коротких юбках, с крохотными кружевными передничками, которые совсем не закрывали платья, с огромными, тоже кружевными наколками на головах. Они хихикали, взвизгивали, шлёпали друг друга и с шумом бегали по коридору, ведущем в комнаты приезжих. Я с удивлением на них смотрела, но удивляться долго не пришлось: детей и меня, конечно, перевели наверх – «на чердак», на нашем детском языке – в две комнаты на втором этаже дома. Для верности в коридоре, у лестницы на первый этаж, поселилась старушка Устюша со своим кофейником, табакеркой (она нюхала табак) и вязанием.

Приехала Дикая дивизия, и всё пошло как по нотам. Был прекрасный обед: закуски с целой батареей водок и домашних настоек, бульон с пирожками из слоёного теста, к нему вино – белый портвейн и папина любимая марсала, варёный таймень с овощами под белым соусом и белые вина – рейнвейн, сотерн, шабли; ростбиф с жареной картошкой, макаронами, черносливом и наструганным хреном и подогретые в горячей воде красные вина – красный портвейн, лафит. Подают кушанье, к нему вино. На стол ставится следующая перемена. Наконец сладкое – мороженое, к нему домашние сладкие наливки. Любезная хозяйка угощает:

– Вот рябиновка, вот вишнёвка, вот малина с княженикой. Пробуйте, сама настаивала.

И гости пробуют все настойки по очереди. Десерт великолепный – золотой ананас из нашей оранжереи. Затем все переходят в гостиную и туда подаётся чёрный кофе с целой коллекцией ликёров в пузатеньких

бутылочках. От такого обеда офицеры разомлели и с восторгом приняли мамино предложение переселиться в наши приезжие комнаты. Денщики мигом перетащили их вещи к нам. В пять часов был сервирован чай, к нему домашняя сдоба, коньяк, ром. Артур Петрович, в качестве любезного хозяина, усердно подливает и то и другое в стаканы гостей. Вечером – ужин с соответствующими возлияниями – и пошло, и пошло... Пили в столовой, пили в гостиной, пили на малой веранде, пили на большой веранде, пили в саду, устраивали даже экскурсии в винный погреб и там пили...

(Примечание от Сергея Грум-Гржимайло: В Алапаевске был такой порядок: винный погреб находился в подвале управительского дома. В нём хранилось и выдерживалось несколько сот бутылок вина. Управляющий принимал вино по числу бутылок, мог расхотеть вино и отпустить выдержанное вино служащим завода в любом количестве. Сдать он должен был погреб с теми же сотнями бутылок вина).

Карательная экспедиция в Алапаиху откладывалась со дня на день.

Мы, дети, сидели наверху. Мама только на минутку вечерком прибегала к нам – поцелует, перекрестит и опять убежит. Так прошло три или четыре дня, но потом Алёша раскапризничался:

– Скучно, хочу к дедушке, – и со всех ног помчался вниз. Устюша не смогла поймать его. Мама не была рада появлению Алёши и с удовольствием отправила бы его наверх, но Алёша успел добежать до дедушки. Дедушка, который скучал без своего любимца, не отдавал его. Приходилось ссориться, а время было не такое, чтобы заводить семейные ссоры.

Мама махнула рукой и только взяла с дедушки слово, что он сам будет смотреть за Алёшей, не позволит поить его вином и будет уводить, когда будет уж очень пьяно. Дедушка слово, конечно, дал и свято соблюдал его: Алёша пил только сильно разведённое водой красное вино, то же, что и дедушка, и большую часть времени проводил у него в комнате. Всё же появление хорошенького, бойкого мальчика не прошло незамеченным: офицеры играли с ним и подарили ему маленькую нагайку, которую сплели специально для него из тоненьких ремешков.

Наконец пришла желанная весть: Дикая дивизия уходит, её сменяет сотня казаков. Дивизия ушла после полудня. В ту же ночь вернулся папа после почти двухнедельного отсутствия, мы переселились в нашу детскую, исчезли «особы», вновь появились наши горничные.

На другой день часа в четыре дня пришли казаки и пришли торжественно: в конном строю с оркестром и распущенным бунчуком («бунчук» – это знамя небольшой казацкой части – шест с одной или двумя

перекладинами, увешанный конскими хвостами и разукрашенными сверкающими металлическими побрякушками). Казаки прошли по всему Алапаевску, поселились в клубе и с ходу принялись «усмирять». Это усмирение было очень своеобразным.

Казаки, то в одиночку, то небольшими группами по 5-6 человек, с диким криком и визгом, как сумасшедшие носились по улицам на своих небольших лошадках. Недоумевающее и испуганное население попряталось в домах, закрыли ворота и калитки, а многие и ставни окон, выходящих на улицу. Но вскоре любопытство одолело мальчишек и из щелей стали выглядывать озорные глаза и, когда всадник пролетал мимо, стали раздаваться восторженные крики. Это только и нужно было казакам. Они принялись джигитировать: ездили в седле и сидя, и стоя на стрёмнах, и стоя ногами в седле, и свесившись на бок, прячась за лошадь; бросали на землю пику и на всём скаку поднимали её. Тут не выдержали бабы. Сначала они выглядывали из приоткрытой калитки, потом начали выходить на улицу...

Между тем страда (полевые работы) кончилась. Пора было открывать заводы. Рабочие пришли просить об этом, но папа отказал.

– Не я закрывал заводы. Вы сами ушли и бастовали всё лето. Теперь заводы закрыты по распоряжению владельцев. Я им напишу. Вы бастовали, а теперь и мне приходится бастовать, пока не получу ответа.

Папа мог, конечно, возобновить работы на заводах, но он тянул:

– Пусть попросят хорошенько!

Нас мысль, что папа бастует, очень забавляла, насмешила она и рабочих...

Наконец, заводы работают. Казаки забавляют народ своим искусством, и всё вошло как будто в нормальную колею, но увы! Ненадолго.

В нашем доме опять происходит что-то странное. Нам запрещено играть «на чердаке». Там в розовой комнате прогнил и провалился пол. Пока его не починят, туда нельзя ходить. Но плотники почему-то не приходят.

Мама за что-то сильно бранила кучера Филиппа, а он говорил:

– Виноват, барыня.

Потом его уволили, и кучером стал дворник, тоже Филипп. Взрослые оживлённо говорят между собой, но замолкают, как только мы входим или нас высылают:

– Не вашего ума дело! Уходите.

Папы нет дома – «Он уехал в Синячиху».

...В детской жарко, душно, я не могу заснуть. Наконец соскакиваю с кровати и иду к окну – может быть там не так жарко. Вижу – по саду идёт высокий человек с повязкой на голове. Навстречу ему идёт мама. Оба они

выходят на место, освещённое луной. Высокий человек – это папа! Одеться и выбежать в сад было делом одной минуты.

Оказывается, вот что произошло: папа со своим помощником Оскаром Густавичем Адольф возвращались домой по Еланской дороге. Там был крутой спуск к реке и надо было ехать шагом. Вдруг раздался выстрел. Кучер Филипп бросил вожжи и убежал. Оскар Густавич и папа одновременно наклонились, чтобы поднять их. Второй выстрел – Оскар Густавич тяжело ранен. Папа отвёз его в больницу, не заметив, что и сам ранен. Пуля пробила шапку и застряла в середине лба.

Оскара Густавича положили в больницу, а папу перевязали и отпустили домой. Он не хотел пугать нас, детей, своей повязкой и прятался «на чердаке». У нас на кухне готовили по рецепту врача обеды для раненного Адольфа – об этом и говорили между собой взрослые. Оскар Густавич долго хворал, но потом поправился и уехал к себе на родину во Францию. Ранение Адольфа привело всех в недоумение. Во-первых, пуля из солдатской винтовки. Стрелять мог только казак, так как революционерам нелегко было достать солдатскую винтовку – они пользовались обычно охотничьими ружьями.

Во-вторых, входное отверстие в спине Адольфа было, была раздроблена лопатка, а выходного отверстия пули не было. Как она могла попасть в лоб папе? Рентгена в то время не существовало – просветить, проверить нельзя. Пулю надо вынуть, если она всё-таки осталась в плече Адольфа. Этот вопрос встал во всей остроте перед врачом Виктором Константиновичем Поленовым. Он его решил блестяще, пройдя пальцем вдоль пулевого отверстия до... «жаберной щели». Это был остаток эмбриональной жаберной щели, уцелевшей среди мускулатуры шеи в виде узкой хрящевой полости (весьма редкий случай). Пуля прошла через неё, полость спружинила и зарыла отверстие.

На коже осталась только едва заметная трещинка, похожая на царапинку. Её увидели только в самом конце операции. (Эти медицинские подробности я узнала, когда я была уже взрослой).

Но весь трагизм положения выяснился позже, уже в ноябре месяце. В один из особенно тёмных вечеров воры напали на жену Оскара Густавича и ограбили её: сняли с рук кольца и браслеты, а из ушей вырвали золотые серьги, причём так неосторожно, что разорвали ушную мочку. С этим повреждением она попала в больницу, а затем спешно уехала, вернее бежала из Алапаевска. Тут все узнали удивительную историю: Оскар Густавич жил в Алапаевске один; жена его, под предлогом плохого здоровья, жила в Киеве и приехала к нему только во время «беспорядков».

Она хотела избавиться от мужа, но развод был тогда труден, дорог и обставлен массой неприятных формальностей. Она решила сделать это проще: наняла человека, чтобы он убил её мужа.

Когда стало ясно, что Оскар Густавич, несмотря на тяжёлое ранение, не собирается умирать – она не заплатила обещанных денег. «Убийца» поймал её на улице и «взял» плату сам. Чем кончилась эта история и были ли наказаны виновные, не знаю, не интересовалась...

Прекрасный, удивительно тёплый день в октябре. Я качаюсь в саду на качелях. Когда доска взлетает высоко, я далеко вижу через забор. Мимо городского училища и клуба идёт на плотину большая толпа с красными флагами и поёт «Боже, царя храни». Я соскакиваю и бегу к маме рассказать об этом странном происшествии – красные флаги и вдруг «Боже, царя храни». Пока я нашла маму, толпа подошла к нашему дому и забарабанила в ворота. Потом кто-то догадался, вошёл в незапертую калитку и открыл ворота. Толпа вошла во двор.

– Управляющего на крыльцо! – Ах, этот крик! Он мне и теперь в самых страшных кошмарах снится.

Мы все в прихожей. Проходит из кабинета папа, быстро крестит и целует маму и нас всех вместе одним крестом и выходит на крыльцо. Толпа стихает. Папа что-то говорит. Мама открывает форточку и слушает. Мне страшно за неё, я пытаюсь оттащить её от окна, но она так отталкивает меня, что я чуть не падаю.

– Не мешай.

– Ура! – раздаётся во дворе. – Качать управляющего.

Папу подхватывают, и он взлетает в воздух. Мама в смертельном страхе бросается во двор. Она боится, что, подкинув папу, его не подхватят и уронят на землю, а потом затопчут насмерть и сошлются на несчастных случай. Следом за мамой в открытую дверь выбегает Алёша и видя, что папу качают, кричит в восторге:

– И меня! Меня тоже!

Мама старается пробиться к папе, уговаривает не качать его. Тут толпа подхватывает Алёшу, он взлетает в воздух, хохочет и визжит от восторга.

– Ещё... ещё!

Услышав детский крик, мама окончательно теряет голову и бросается к Алёше. Её не пускают. Алёшу перебрасывают с рук на руки. Новая игрушка понравилась толпе – папу оставили в покое. Толпа постепенно расходится, унося с собой Алёшу. Мама хочет бежать за ним, но папа её останавливает. Он позвал кучера, дал ему три рубля и велел принести мальчика. Через

часа полтора явился изрядно выпивший Филипп со спящим Алёшей на руках – малыша угостили красным вином с сахаром.

– Что ты им сказал? – спросила мама, когда всё уже успокоилось.

– Поздравил с манифестом о Государственной Думе, сказал, что теперь государством будут управлять избранники народа. Это большая радость для всех русских людей и её следует хорошенько отпраздновать. Дал 10 рублей на выпивку, – ответил папа...

Зима кончается. Снег уже подтаял. Казачья сотня получила приказ о переходе в другое место и на прощание хочет устроить народный праздник. Будет атака лавой, джигитовка, взятие снежной крепости, похищение девицы...

На большую площадь нового завода, у Алексеевской церкви, отовсюду свозят снег – строят крепость. Все волнуются: не наступят ли тёплые дни, не растает ли крепость раньше времени. К счастью, наступает похолодание.

Наступает торжественный день. Мы едем к доктору Корсак-Кулаженко – из окон его дома прекрасно видна вся площадь. Площадь вся огорожена верёвкой, привязанной к невысоким столбикам. За верёвкой места для публики, которой набралось уже видимо-невидимо. Внутри загородки у самой верёвки – полицейские и стражники. Они пользуются случаем занять лучшие места. Публика тоже хочет видеть получше – задние напирают на передних, передние на верёвку и, несмотря на все усилия, народ уже начинает выходить в отгороженное место.

Вдруг беда! Казацкие кони, стоявшие в дальнем конце площади, чего-то испугались и понеслись прямо на «трибуну». Два казака, случайно оказавшиеся верхами, мчатся им наперез, стараясь их остановить. Смелчаки из публики также бросились ловить казацких лошадей. Но в самый последний момент случилось нечто неожиданное: на каждом мчавшемся коне оказалось по казаку с нагайкой. Нагайки в ход не пошли, но эффект был полный. Под общий смех и гиканье казаков публика, выскочившая из трибун, была быстро водворена на место.

А вот казацкая лава.

Топот, вой, визг, какой-то нечеловеческий крик и мчится конница. Никакого строя – просто табун взбесившихся коней, на которых каким-то чудом держатся всадники. Они то исчезают, прячась за лошадь, то вновь появляются, рассыпаются веером, сбиваются в комок. Отдельные лошади поворачивают и летят в обратном направлении, а потом снова присоединяются к общей массе. Сколько их, казаков? Сосчитать невозможно в этой кружащейся куче. Немудрено, что казацкой лавы не

выдерживает европейское войско, привыкшее к стройной дисциплине и к действиям по команде. Тут – никакой команды, каждый действует так, как считает нужным в данный момент, но все хорошо знают, каких результатов следует добиваться.

Пролетела лава и всадники едут обратно показывать своё искусство. Начинается джигитовка. Ездят стоя на стрёмнах, стоя на седле, соскакивают и вскакивают на ходу, бросают и ловят пику, поднимают её на всём скаку, поднимают брошенные на землю рубли, не брезгают и полтинниками. Публика веселится, бросает деньги. Многие из публики не верят – бросают меченные рубли. Казаки, подняв их на всём скаку с земли, предъявляют их публике и торжественно кладут в свой карман.

В кучу снега втыкают тонкие ивовые ветки. Казаки на всём скаку срубают их. Кто чище всех срубит тонкий гибкий прутик?

Начинается стрельба – на всём скаку из винтовки стреляют по яйцу.

Небольшой перерыв. «Крепость» занимает спешенный отряд. В крепости заготовлены горы снежков. Летит лава. Надо на коне вскочить в крепость, а она высока и полита водой. Летят снежки, лошади вскакивают на откос у высокой оборонительной стенки, как-то чуть ли не в воздухе поворачивают обратно и снова летят на крепость. Наконец, какой-то всадник перелетает через «крепостную стену». Ура! Крепость взята.

А вот высокий ледяной конус. Наверху флажок и... серебряные часы – подарок моего деда. Казаки по очереди, стоя в седле мчатся к конусу. Выбрав момент, прыгают на конус и слёта стараются добраться до вершины и схватить флажок. Не удалось! Неудачник под общий хохот скатывается вниз. Второй. Третий... Наконец один изловчился, схватил флажок и часы в виде трофея.

Опять небольшой перерыв. С противоположных концов площади выезжают два отряда. У одних на шапках синие тряпки, у других – белые. У «синих» - «девушка» (казак в женском платье). «Она» сидит на неосёдланной лошади по-женски: обеими ногами в одну сторону. Её должны украсть «враги». Условие: если у казака сшибут с головы шапку – он «убит» и выходит из игры. «Белые» стараются: то летят лавой прямо на защитников «девушки»; нападают, то справа, то слева. Защитники кружатся как бесы, оберегая и девушку, и свои шапки. Игроков становится всё меньше. «Убитые» без шапок отъезжают в сторону. Вдруг оглушительный «женский» визг. Это казак, спрятавшись за лошадь, незаметно подъехал к девушке сзади, неожиданно стащил её с лошади, кинул через седло впереди себя и мчит в свой лагерь. Защитники летят за

ними, но отбить «девушку», т.е. снять шапку с похитителя не удаётся. «Девушка» украдена.

Представление окончено, казаки едут в казармы. Там их ждёт угощение и, конечно, заслуженный отдых. На следующий день казаки уходят из Алапаевска.

Главы IV

Маргарита Михайловна Грум-Гржимайло

Владимир Ефимович Грум-Гржимайло родился в Санкт-Петербурге 12 февраля 1864 года. Отец его был нотариусом – Ефим Григорьевич Грум-Гржимайло. Брат деда Григория Ивановича –Иванович Грум был в середине XIX столетия видным врачом, основателем и издателем первой в России медицинской газеты «Друг Здравия».

Мать Владимира Ефимовича – Маргарита Михайловна Без-Корнилович. О ней следует рассказать подробнее, так как она оказала большое влияние на характер сына: от неё он получил трудолюбие и правдивость, от неё же ту несдержанность и резкость, с которыми всю жизнь боролся.

Маргарита Михайловна – племянница декабриста Александра Осиповича Корниловича – дочь его старшего брата Михаила Осиповича Без-Корнилович, была в детстве смелой, порой и дерзкой девочкой. Мать не любила её и держала «в чёрном теле». Девочка, вероятно, выросла бы среди прислуги, если бы отец не настоял на том, чтобы ей дали образование. Ее отдали в институт, как дочь Георгиевского кавалера, но образования она не получила. Едва успела она выучиться грамотно писать по-русски, немного болтать по-французски, немного брэнчать на рояле, а, главное, едва успела она пройти по арифметике дроби и «именованные числа», т.е. сложную систему мер и весов, которая тогда употреблялась в России, как её, тринадцатилетнюю девочку, взяли домой.

– Будет с неё! – решила мать. – Пусть помогает по хозяйству.

И сделала Маргариту горничной при младшей любимой дочери Настеньке.

Положение несчастной девочки мало отличалось от положения крепостных слуг в других домах (в доме её отца крепостных не было, потому что её отец считал позором быть рабовладельцем; согласно семейному преданию, он дал волю всем своим крепостным). Так же как крепостные слуги, она не имела возможности уйти: по законам того времени женщина, даже совершеннолетняя, могла получить паспорт и быть «прописанной на жительство» только с разрешения отца, опекуна или мужа. Беглянку, которая пыталась обойтись без этого разрешения,

полиция возвращала домой. Обычай позволял «наказывать на теле» не только 13-летнюю девочку, но и 18-летнюю девушку.

Выхода не было – Маргарита покорилась.

Она одевала и причёсывала сестру, заботилась о её туалетах, молча сносила её капризы... Кроме того, Маргарите поручили ключи от кладовых и бельевых шкафов, а также запись приходов и расходов. В то время, когда Настенька резвилась с подружками, Маргарита выдавала провизию на кухню, считала и отдавала в починку бельё в девичью, проверяла счета портнихи, кучера..., а если её иногда и звали в гостиную, то только для того, чтобы разливать чай или играть танцы на рояли.

Такая жизнь не сломила её смелого и властного характера и не смягчила его: Маргарита Михайловна всю жизнь славилась своей неумолимо резкой, порой даже бестактно-резкой правдивостью. Л.Н. Толстой прекрасно изобразил подобный характер в лице Марии Дмитриевны Ахросимовой («Война и мир»).

Юрист Грум-Гржимайло часто бывал по делам в доме Без-Корниловичей. Он полюбил энергичную и красивую девушку и однажды, подробно объяснив, что живёт только на свой заработок, спросил её:

– Не согласитесь ли Вы выйти за меня замуж, Маргарита Михайловна?

– Замуж! – ответила она. – Да хоть за чёрта, только вон из этого дома.

Ефим Григорьевич был не робкого десятка, ответ этот не испугал его. Он женился и не пожалел: Маргарита Михайловна, несмотря на свою резкость, была человек добрейшей души. Умная, смелая, самоотверженная, работающая – она так повела хозяйство, что не только большая семья жила в полном довольстве, но появилась возможность откладывать «на чёрный день». Супруги Грум-Гржимайло были счастливы. Ефим Григорьевич открыл частную нотариальную контору. Прошёл организационный период, дела пошли хорошо, денег было достаточно. Владимир Ефимович вспоминал своё раннее детство, как светлый праздник.

Но счастье оборвалось внезапно: в 1870 году Ефим Григорьевич умер от разрыва сердца – теперь эту болезнь называют инфаркт миокарда. Маргарита Михайловна осталась вдовой с шестью малолетними детьми на руках. Владимир Ефимович, тогда шестилетний ребёнок, видя её отчаяние и слёзы, дал себе слово, когда вырастет - помогать матери и это слово он сдержал.

Кончилась привольная жизнь: Маргарита Михайловна продала всё лишнее, перебралась из дома с двором и садом в тесную квартиру на 4-м этаже – но как она не сэкономила, её небольшие сбережения таяли с

катастрофической быстротой. Рассчитывать на помощь богатых родственников не приходилось: все родные жили «трудом рук своих», имели семьи и денег у них было мало. Да Маргарита Михайловна не согласилась бы жить из милости. Нужно было думать о заработке. Образования она не имела и единственно, что хорошо знала и любила – это рукоделие. Во время этих забот о хлебе насущном, внимание к детям ослабло. Трое старших учились в гимназии и продолжали учиться, а младшие ничему не учились. Спихнулись уже тогда, когда Дмитрию было 9 лет, а Владимиру семь с половиной.

Анастасья Михайловна, та самая Настенька, за которой Маргарита Михайловна ухаживала в детстве, кончила институт. Она взялась учить племянников и подготовить их для поступления в гимназию.

– Представьте себе учителя, который методом устрашения заставлял бы ученика решать задачи. Едва ли такого учителя считали хорошим педагогом, – говорил Владимир Ефимович.

А Настенька пользовалась именно методом устрашения. Обучение начали с французской грамматики – правила произношения спряжений глаголов. Память у детей была неважная, долбёжка давалась с трудом. «Море слёз» – характеризовал Владимир Ефимович этот период своей жизни. Затем дали русский букварь – мальчики облегчённо вздохнули. Выучили азбуку, научились читать, писать.

Затем перешли на немецкий язык, грамматика, переводы... Снова слёзы, слёзы, слёзы. Наконец их наспех подготовили к экзамену и сдали в первый класс военной гимназии.

Глава V

Герман Августович Тиме

Мой дед (отец моей матери) был сыном врача немца из Саксонии и шведки по национальности, но сильно обрусевшей. Александра Адольфовна Атге кончила Санкт-Петербургский Екатерининский институт. Образование Герман Августович получил в кадетском корпусе – тогда это практически было единственное техническое учебное заведение для мальчиков. Мой прадед, Август Иванович сам подготовил детей и отдал их в корпус. Порядки в корпусе были военные. Дети жили в корпусе и только по воскресеньям отпускались домой. Принимали в корпус детей в основные классы в возрасте 7-8 лет. Этих классов было 5, назывались они подготовительными и были одинаковы для всех специальностей. Было ещё два класса для детей сирот, отцы которых – офицеры – погибли на

войне. Туда принимали мальчиков с 5 лет. Их два года воспитывали женщины – няни и воспитательницы, носившие военную форму.

Окончившие специальные классы переводились в зависимости от способностей в специальные классы. В корпусе, который назывался Горным, таких классов было три, подготовлявших инженеров и геологов.

Итак, три брата Тиме – Георгий, Иван и Герман, поступили в Горный корпус. Герман способностью к наукам не отличался, зато был красив и физически силен, любил музыку и прекрасно играл на скрипке. Строевые занятия ему давались легко, и он в старости с удовольствием вспоминал о них.

Жизнь в корпусе протекала так: в 6 часов утра барабан бил «утреннюю зарю», воспитанники вставали, одевались, мылись и по отделениям становились на общую молитву. После неё, в 7 часов, опять по сигналу барабана, дети шли в столовую, где получали сбитень (мёд с водой) и булку. Затем, опять под барабан, уходили на занятия в классы. Уроков было 4 – каждый по полтора часа: два утром и два вечером. Два утренних урока оканчивались в 11 часов, бил барабан, и дети шли в столовую и получали там второй завтрак: кусок чёрного хлеба с солью. Затем шли строевые занятия, стрельба, фехтование и раз в неделю танцы. В час был обед, в 3 начинались вечерние уроки, в 8 - ужин и в 9 - «вечерняя заря» – общая молитва, после которой дети ложились спать. В хорошую погоду в свободные от уроков и занятий время, дети играли в саду, как играют все дети: городки, пятнашки, бабки и пр.

День шёл за днём, началась зима. Выпал снег. Место, где во время уроков сидел дедушка, было под самым окном, под форточкой. Однажды он, чтобы не заснуть на уроке, незаметно открыл форточку, достал с помощью линейки снега и положил себе на лоб. Повторил несколько раз. Результат: жар, бред, сильнейшая головная боль – воспаление пазухи лобной кости. Чтобы гной из воспалённых пазух не прорвался бы в череп (тогда смерть!), нужно было проломить лобную кость у пазухи и выпустить гной.

Приехал Пирогов. Ребёнка положили на стол. Знаменитый хирург сделал разрез и выдолбил с помощью долота кость на лбу. Мальчик не пикнул, а ведь никаких обезболивающих средств тогда не было! Даже выдавший виды знаменитый хирург Пирогов удивился и, окончив перевязку, крепко пожал мальчику руку:

– Молодец!

На другой день после перевязки Пирогов подарил редкое в то время лакомство – апельсин. Дедушка всегда с восторгом вспоминал этот подарок.

Шли годы... И вот однажды 14- или 15-летний Герман на спор снёс на спине трёх своих товарищей на второй этаж. Ещё плохо сформировавшаяся стенка живота не выдержала, образовалась грыжа – прощай все мечты об офицерских погонах! Грыжа тогда считалась неизлечимой болезнью, препятствовавшей военной службе. Мальчику было бы очень тяжело, если бы рядом с ним не оказался его отец, который, хорошо обдумав «способности и способности» своего неудачливого сына, посоветовал спокойно кончать курс, а потом перейти в Институт корпуса лесничих.

Работа лесничего была по душе Герману Августовичу. Защита населения от зверей, тушение лесных пожаров, целая армия рядовых помощников – лесообъездчиков, живших в лесу на своих участках... При пожарах в его распоряжении были все рабочие ближайших заводов и все трудоспособные жители ближайших селений.

Итак, дедушка стал лесничим, оделся в форменный мундир – я его в другом костюме никогда не видела. И в старости он был красив, не забывая свою военную выправку.

Во время жизни в Горном корпусе Герман не раз видел императора Николая I, который нередко бывал в Корпусе, и который прекрасно понимал психику ребёнка, оторванного от родного дома. Ребёнок, который годами не видит своего отца, и тем более ребёнок-сирота, конечно, тоскует.

– Я ваш отец, – говорил он и действительно вёл себя, как отец, когда бывал в корпусе: внимательно следил за здоровьем, поведением и занятиями мальчиков. Когда ему случалось приезжать в корпус, часовой – кадет старшего курса – давал «тревогу», кадеты выбегали, становились во фронт.

– Здравствуйте, дети, – говорил царь.

– Здравия желаем, Ваше Величество! – по уставу отвечали кадеты. Не мудрёные слова, но как ценили истосковавшиеся по дому, по простой человеческой ласке мальчики это «Здравствуйте, дети». Так дома говорили их родные отцы.

Если время было обеденное, царь садился за один из столов и обедал вместе с детьми. Беда была, если обед не нравился царю – попадало всем, начиная от повара и кончая директором – старым почтенным генералом. Ему попадало сильнее всего. Что он смотрит? Распустил подчинённых. Похоже на то, что «разборка» не кончалась в стенах корпуса – основательно «влетало» и великому князю попечителю Корпуса (имя не помню).

Однажды, после особенно сильного «влёта» великий князь вошёл в Корпус с чёрного хода и видит, как два повара несут по коридору большую кастрюлю-бак.

– Ложку! – приказал князь.

– Выше императорское высочество...

– Ложку! – крикнул разгневанный князь.

Один из поваров вытащил ложку из-за голенища сапога и подал князю. Князь попробовал то, что было в кастрюле.

– Это же помои! – загремел гневный голос.

– Так точно, ваше высочество, свиньям несём.

Дедушка часто рассказывал нам этот случай и прибавлял:

– Никогда не следует кричать на подчинённого. Всегда следует выслушать подчинённого, а то, пожалуй, попробуешь помоев!

Если в классе происходили занятия, царь садился на заднюю парту и слушал. Если ему казалось, что учитель нарочно вызывает хороших учеников, он брал журнал и сам спрашивал учеников, которые казались ему «подозрительными».

Однажды на уроке русского языка скука была невыносимая – проходили русскую грамматику.

– Разрешите мне, – сказал царь.

– Пожалуйста, ваше величество.

Николай I подошёл к доске и написал: «Простить нельзя казнить».

– Что я написал? Помилование или смертный приговор?

Кадеты загудели – действительно, что это? «Простить, нельзя казнить» – помилование, а если так «Простить нельзя, казнить» – смертный приговор.

– Видите, дети, как много значит грамматика, и как важно правильно писать.

Этот случай произвёл на дедушку огромное впечатление.

Если были в лазарете больные, Николай I заходил туда и беседовал с доктором, а потом присылал из дворца лакомства.

Часто ли бывал Николай I в корпусе? Не думаю, но так как приветствие на улице кадеты считали посещением, у дедушки осталось впечатление, что очень часто.

В Горный корпус дедушка поступил около 1850 года. О войне, о Крымской кампании, о Севастополе он никогда не говорил. Зато о смерти Николая I рассказывал часто. Тяжёлое было время – войска, любимое детище Николая I, оказались нелепо снабжёнными устарелым оружием – обворованные, голодные, оборванные... Не досмотрел царь! Не смог! Прав был его старший сын и наследник Александр (второй) – дальше так нельзя! Нужны реформы.

Осенью, в ноябре, Николай I простудился и, чтобы ночью не тревожить жену своим кашлем, ушёл из спальни в свой кабинет, куда велел поставить походную кровать. Болезнь была не сильной – днём царь одевался, как обычно, в форменный сюртук, и занимался делами, но каждый день к нему приходил лейбмедик Арндт.

Однажды вечером дежурный слуга слышал, как царь, провожая доктора, сказал ему:

– Иди теперь, – царь всем говорил «ты» – таков обычай. – Если надо будет, позову.

Затем ушёл в свой кабинет и закрыл дверь.

Утром дворцовая прислуга была взволнована – царь не выходил из комнаты и никого не звал. Наконец, уже в 10 или 11 часов утра решились войти без зова.

Николай I давно был мёртв. Он лежал на постели, тело было прибрано – «как кладут в гроб».

Дедушка был уверен, что Николай I отравился, чтобы дать возможность Александру II провести реформы, на проведение которых у Николая I не хватало сил. Кто прибрал тело, так и осталось неизвестным: кровать была покрыта поверх одеяла чистой простынёй, тело одето в чистое бельё и парадный сюртук, руки скрещены на груди и на них лежала небольшая простая деревянная иконка без металлического оклада. Таким видел дедушка царя Николая в последний раз, когда вместе с остальными воспитанниками Горного корпуса пришёл проститься с покойным.

Итак, Николай I умер, царствовать начал Александр II. Началась эпоха великих реформ: освобождение крестьян от крепостной зависимости, судебная реформа...

Мы расспрашивали дедушку об этом времени, но он нам ничего толкового не рассказывал – может быть потому, что он действительно никогда не видел «крепостного права». В детстве, в родном доме он крепостных не видел – у его родителей, врача немца и дочери инженера-шведа их не было: слуги были вольнонаёмные.

В корпусе крепостных не было. Там были отбывавшие воинскую службу солдаты, а когда дедушка стал лесничим его лесообъездчики были из «черносошных крестьян». Это были лично свободные «государственные» крестьяне, которые обрабатывали государственные «чёрные» земли и за это платили подать. Поступали они в лесообъездчики просто потому, что хотели подзаработать. Да к тому же на Урале крепостных вообще было мало. Всё, что я знала о крепостном праве, я узнала не от деда...

Послесловие от С.В. Грум-Гржимайло

У прочитавшего воспоминания моей сестры, естественно может встать вопрос: насколько они верны? Не является ли масса подробностей и мелочей просто вымыслом?

Это не так – многому можно доверять. У Маргариты была поразительная память. В детстве она без труда повторяла прочитанную страницу. Мать – свидетельница и участница многих событий – подтверждала правильность рассказов Маргариты.

Но не ко всему следует относиться строго и нельзя не учитывать литературной обработки, которой Маргарита до некоторой степени увлекалась.

Вот что пишет, например, она о встрече Дикой дивизии:

«Я, конечно, не знала, чем именно угощала мама офицеров – мне это было совсем не интересно. Я описала здесь обычный торжественный обед, какие часто бывали у нас, когда приезжали важные гости».

А такие обеды бывали у нас нередко и всегда, когда приезжали владельцы. В управительском доме было две хорошо обставленных комнаты для приезжих, как пишет Маргарита.

Приезд гостей, кто бы они не были – нередко просто инженеры по делам, всегда обеспечивался удобствами и комфортом. Во дворе располагалась оранжерея, где выращивались диковинные для севера плоды: кукуруза, спаржа, дыни, артишоки... были и ананасы. Так что указание Маргариты на ананас – не выдумка.

Суд над Модестом Клером

Из воспоминаний С.В. Грум-Гржимайло

В 1924 году учёного и краеведа, профессора Модеста Онисимовича Клера (1879-1966) обвинили в шпионаже. Он был сыном Онисима Егоровича Клера – основателя Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), одного из выдающихся людей Урала. Судебный процесс получился громким. На суде в защиту учёного выступил знаменитый инженер, металлург, профессор Владимир Ефимович Грум-Гржимайло. После этого он сам чуть было не стал подсудимым, подвергся травле и был вынужден покинуть Урал.

Данная работа написана его сыном – Сергеем Владимировичем Грум-Гржимайло. За предоставленный документ спасибо Светлане Федотовой.

Кончились войны. Наступили мирные годы, и большевики начали проводить в жизнь свои идеи, устраивать новую жизнь. Несоразмерные,

неосуществимые планы, попытки их выполнения, мобилизации, трудовые армии и т.д. Но послевоенная разруха не уменьшалась. Голод, нищета, безудержная спекуляция. Жили в основном «мешочничеством» – продкарточки мало помогали.

Кто виноват в том, что дело не идёт? Идеи? Нет – они верны, в этом большевики не сомневались. Власти? Власти не бывают виноватыми. Искали виновников и нашли: это «Спецы», как говорили в те годы – люди различных специальностей, работавшие в учреждениях, в различных предприятиях, на заводах, на заготовках и т.д. Это они нарочно портят дело! Начались суды спецов. Обвиняли честных работников, как правило, неграмотные люди. Обвинения были просто вздорными, но оправдаться было невозможно – приговор всегда неизбежен.

Арестовали профессора геолога Модеста Онисимовича Клера и обвинили его в «промышленном шпионаже».

Несколько слов о семье Клер. Отец Модеста Онисимовича выходец из Швейцарии, был организатором УОЛЕ – Уральского Общества Любителей Естествознания. В Екатеринбурге он основал Краеведческий музей, который был самым богатым на Урале. Его сын Модест Онисимович был продолжателем дела отца: Президентом УОЛЕ и заведующим кафедрой геологии и палеонтологии Уральского государственного университета.

По моей просьбе Модест Онисимович написал свои воспоминания, это было в 1960-х годах. Привожу выдержки из этих воспоминаний.

«...Наследием революции и гражданской войны были очень большие трудности на Урале, как в отношении питания, так и одежды. Франция являлась дружеским союзником России во время войны 1914-1918 годов. В то же время французская общественность симпатизировала русской революции и на Урал была послана специальная комиссия в лице инженера-администратора и ещё двух сотрудников для оказания помощи нуждающимся. Эта миссия доставляла значительное количество пищевых продуктов в форме американских пищевых пакетов, которые шли на снабжение американской армии и её союзников. Это были крепкие жестяные запаянные ящики; они содержали бекон, масло, крупу, консервы и пр.

Мне удалось получить от французов снабжение для рабочих мастерской минералогических учебных пособий УОЛЕ, а также усилить пищевую помощь многочисленным тогда на Урале детдомам. Французская общественность прислала 2 вагона поношенных, но отремонтированных и в совершенно свежем состоянии мужских и женских костюмов, платьев и детской одежды... Я консультировал французов, указывая, кто, по моим

сведениям, наиболее нуждался в таких одеждах. Это было первое недоразумение с администрацией, так как широкая благотворительность, оказываемая французами, вносила известную ноту в общественное мнение на фоне идеологии того времени, поэтому пресса стремилась преуменьшить роль этой помощи.

Одновременно стали возникать слухи, что начальник этой миссии Дюлонг, бывший сотрудник французской платиновой компании на Урале, приезжал, главным образом, для зондировки положения в платиновой промышленности, тем более, что одновременно в Москве велись переговоры французских представителей платиновой промышленности с Советским правительством об условиях возобновления концессии на Урале...

Директором Уралплатины в то время был крупный специалист Доменов. При большом коллективе инженеров уже был разработан план развития платинового дела на несколько лет. Дело крепло от месяца к месяцу...

Обвиняя Дюлонга в шпионаже, ГПУ не могло его арестовать и возбудить против него дело, так как он имел личный охранный документ (о его неприкосновенности), подписанный В.И. Лениным...

Козлом отпущения был выбран я... Мне было предъявлено обвинение в экономическом шпионаже в пользу французских капиталистов, в частности в том, что я якобы выдал секреты платиновой советской промышленности французским капиталистам. Интересно сейчас отметить, что директор Уралплатины Доменов на суде заявил, что Клер не мог выдать никаких секретов о платине, так как их не было. Ничего засекреченного в Уралплатине не имелось...

Я был арестован и в течение 5 месяцев следствие ГПУ не могло даже предъявить мне конкретного обвинения...»

Прошло ещё 9 месяцев и был назначен суд (февраль 1924 года). Суд не простой – «показательный», политический. Суд, который должен был показать силу властей, заставить «неверных и нерадивых спецов» работать по указанию властей, выправить хозяйство, наладить жизнь, несмотря на запреты деятельности и творчества – основу программы коммунистической партии.

Суд состоялся в небольшом зале, вмещавшем не более 500 человек. Входные билеты распространялись, главным образом, между партийными и комсомольцами, но... почему-то оказалось много беспартийных. Билеты достать было очень трудно. Была моя мать, я на суд не попал, пишу следующее со слов. Владимир Ефимович [Грум-Гржимайло] был на суде свидетелем со стороны обвиняемого – защитал Клера.

Перехожу вновь к воспоминаниям Модеста Онисимовича.

«...Значительное количество свидетелей представляли профессора – доктора наук Горного института и ряд крупных общественных деятелей, которые говорили обо мне, как о чрезвычайно ценном и полезном для Урала специалисте, всегда с энтузиазмом проводившем исследования родного Урала, в помощь нарождавшейся тогда новой уральской промышленности... Были и сильные свидетели. Так старик Данила Зверев, с длинными волосами и бородой, по-старообрядчески в русской жёлтой рубахе навыпуск и в жилете, на вопрос суда знает ли он меня и что он обо мне думает, старообрядческим говором громко ответил:

– Модеста Онисимовича давно знаю, вместе работали. Хороший, больно хороший человек.

Наконец, очередь дошла до профессора Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло.

– Что Вы думаете о подсудимом Клере? – спросили его.

Владимир Ефимович несколько слов сказал о моих разнообразных работах на пользу родного Урала и прибавил:

– Древний Иегова щадил великие города грешников из-за одного или двух праведников. Вот одного из таких праведников Вы имеете перед собой.

– А скажите, профессор Грум-Гржимайло, как Вы можете защищать такого шпиона, как Клер?

Владимир Ефимович громко, на всё огромное зало воскликнул своим великолепным бархатным баритоном:

– Я душу его знаю!

Зал не выдержал».

Произошло очень редкое психологическое явление: весь зал одновременно, как один, зааплодировал... Как? В такт три хлопка...

«Суд и сидевшие в первом ряду начальствующие лица сначала опешили, а потом был объявлен перерыв судебного заседания и суд удалился на совещание. Минут через пять судьи вышли и председатель объявил:

– Ввиду нарушения порядка ведения судебного процесса все присутствующие в зале, за исключением депутатов Верховного Совета и Горсовета и высших служащих ГПУ – арестовываются на полчаса.

В зале раздался приглушённый смех».

Допрос Владимира Ефимовича продолжался и в конце концов перешёл в словесный поединок между Владимиром Ефимовичем и прокурором. Прокурор вскочил и, опёршись на стол, как говорил Владимир Ефимович, «вылезал из своего пиджака».

– Клер шпион...

– Нет, не шпион... – Владимир Ефимович отказывается верить обвинениям прокурора. – Это нужно доказать. Посадите меня судьёй, я буду разбираться...

Спор достигает предела. Вдруг поднимается фигура защитника Клера адвоката Смелкова и он спокойным голосом говорит:

– Во время допроса свидетеля прокурор разрешил себе называть подсудимого шпионом. Согласно статьи ... Процессуального кодекса никто не имеет права называть подсудимого преступником до вынесения приговора. Прошу допрос свидетеля Грум-Гржимайло прекратить.

Суду пришлось согласиться.

– Свидетель Грум-Гржимайло, пройдите в свидетельскую комнату.

Свидетельская комната находилась в дальнем конце зала. Нужно было пройти через весь зал. Владимир Ефимович пошёл. Неожиданно в середине зала поднимается фигура и на весь зал громко говорит (это был корреспондент местной газеты):

– Профессор Грум-Гржимайло контрреволюционер.

Владимир Ефимович остановился и, смотря в упор, спросил:

– Что Вы сказали? Повторите.

Корреспондент старается сказать, но язык от волнения прилипает к горлу, он беспомощно двигает губами.

– Милиционер, – позвал Владимир Ефимович.

Милиционер подошёл.

– Успокойте этого гражданина.

Милиционер стал «успокаивать», а Владимир Ефимович прошёл в свидетельскую комнату.

Суд совещается, и судья объявляет:

– Профессор Грум-Гржимайло во время допроса говорил, что он сам посылал различные сведения за границу. Суд решил допросить его по этому вопросу.

То есть посадить его рядом с Клером на скамью подсудимых...

– Попросите профессора Грум-Гржимайло.

Владимир Ефимович вышел из свидетельской комнаты и встал перед судом.

– Вы говорили, что посылали различные сведения за границу.

– Да, говорил.

– Как Вы это делали?

– Очень просто. Брал лист бумаги и писал то, что считал необходимым, брал конверт и писал адрес; вкладывал письмо в конверт и передавал

Георгию Ипполитовичу Ломову (Ломов был Председателем Уралоблсвовнархоза). Если он считал необходимым, он отправлял...

– Товарищ прокурор, вопросы есть? Товарищ общественный обвинитель... защитник... Вопросов нет.

– Скажите, каково Ваше отношение к Советской власти?

– Самое прекрасное! Великолепное!

– Какого Вы мнения о Георгии Ипполитовиче Ломове?

– самого хорошего.

Свидетель отпускается.

Здесь необходимо сделать отступление и остановиться на высказываниях Владимира Ефимовича после суда.

– Я бесконечно благодарен адвокату Смелкову. Он меня выручил. Если бы не он, Модесту Онисимовичу пришлось бы выслушать от меня неприятные упрёки.

В последующие годы Владимир Ефимович хлопотал за томившегося в тюрьме Клера перед Ф.Э. Дзержинским. Вот, что он писал в своём письме: «Процесс Клера – процесс политический, на что указывал и прокурор в своей речи. Я не буду утверждать, что Клер не виноват; он несомненно виноват в служебной некорректности. Нельзя было сообщать проходимцу Дюлонгу сведения о состоянии нашей платиновой промышленности, хотя эти сведения в то время не считались секретными и до суда были напечатаны. Прежде чем говорить что-либо Дюлонгу, он должен был спросить разрешение у Г.И.Ломова, председателя Уралплатины, с которым постоянно виделся, как это делали все мы в подобных случаях. Но от легкомыслия Клера, от незнания им служебной дисциплины, ибо он никогда ранее нигде не служил, до шпионажа, конечно, целая пропасть. М.О. Клер хотел просто сделать приятное Делонгу, который, приехав в Екатеринбург с французской миссией Красного креста, оказал во время голода сильную поддержку служащим Уральского Общества Любителей Естествознания».

В этих словах в сущности сказано всё, что можно было сказать о деле профессора М.О. Клера.

После отступления возвращаюсь к процессу.

Процесс кончился и М.О. Клер, конечно, был осуждён. Приведу выписку из его письма ко мне, написанного много позже.

«...Диспут между Владимиром Ефимовичем и прокурором я (в своих воспоминаниях) упустил. У Вас он точно передан. Мне намечалось (через второго защитника я всё время был в курсе многих закулисных дел) дать 2,5 года и всё. Но после срыва «показательности» для реабилитации суда и

какой-то мести общественному мнению мне был вынесен смертный приговор (Дидковский, бывший ректор университета, пожирал меня глазами, судьи тоже пристально смотрели на меня, но я ни на йоту не изменил своего лица)... и тут же после длинной паузы... «но принимая во «внимание», читали дальше, «окрепшее международное положение СССР, нет необходимости применять такую строгую меру наказания, заменить смертную казнь заключением со строгой изоляцией на 10 лет и т.д.»

Процесс окончился – зал арестован на полчаса.

Модест Онисимович вспоминал:

«За эти полчаса ко мне подошли немало различных граждан и гражданок, которые пожимали мне руку и выражали сочувствие. Случайно среди присутствующих оказался геоботаник Городков, возвращавшийся с Полярного Урала из большой геоботанической экспедиции. Он пожимал мне руку и успел рассказать о важнейших крупных достижениях его экспедиции.

Владимир Ефимович сидел, глубоко задумавшись, в зале. Жена моя, выразив чувства признательности за его благородное выступление, спросила его, как он себя чувствует. Он сказал:

– Сижу и жду, что меня арестуют.

Но этого не произошло».

Этот процесс всколыхнул весь город, но не в желательном для властей направлении. Сочувствие было явно на стороне М.О. Клера. Но он был за решёткой, а Владимир Ефимович – виновник срыва «показательности» процесса, был среди горожан. Он оказался героем дня – на улицах его приветствовали, жали руку, восхищались его поступком...

Власти неистовствовали. Местная газета старалась во всю. Собирали митинги, выносили резолюции – ругательные, оскорбительные... Но это не меняло дела, может даже действовало в обратном направлении.

Начали действовать.

«Инженер-консультант технического отдела Грум-Гржимайло В.Е., вследствие сокращения его должности, исключается из списка сотрудников Облсовнархоза с I/III с.г., с выдачей соответствующего выходного пособия».

Это был, конечно, тяжёлый удар в материальном и продовольственном отношении. Но у нас была дойная корова, положение семьи было не безнадежным. И не на одном Облсовнархозе сошёлся мир.

Владимир Ефимович получил телеграмму из Москвы с просьбой срочно приехать. Дело было в следующем: правительство отпустило, в первый раз, деньги на геолого-разведочные работы; в Москве образовалось две

партии, одна считала, что надо составить карту почв для развивающегося сельского хозяйства, другая, возглавляемая профессором Н.М.Федоровским, считала, что нужно искать полезные ископаемые. Федоровский для поддержки своих идей вызвал Владимира Ефимовича. Владимир Ефимович немедленно выехал в Москву, прихватив меня с собой. В Вятке-Кирове поезд стоял долго. Мы вышли из вагона, прогулялись по платформе.

– Надо, очень надо восстановить моё «Металлургическое бюро». Промышленность восстанавливается (Это были первые годы НЭПа), проекты печей нужны многим. На Урале это не удаётся. Попробую поговорить в Москве, – сказал отец.

В Москве он переговорил и получил согласие организовать Бюро при научно-техническом отделе ВСНХ.

Уезжая, он сказал мне:

– Оставайся в Москве и организуй Бюро.

Нужно было обеспечить помещением чертёжные и устроить квартиру Владимиру Ефимовичу и его семье. Москва была перенаселена – жилищный кризис. Остановились на пустовавшей стеклянной мансарде под крышей кирпичного дома. Часть мансарды под чертёжную, часть под квартиру.

Не буду описывать трудностей, удач и неудач моей деятельности. Важно было то, что мои письма-отчёты давали Владимиру Ефимовичу твёрдую почву для принятия решений. Слухи о его намерении переехать в Москву распространились по Екатеринбург. Реагировал вновь назначенный ректор университета В.В. Алфёров. Владимир Ефимович получил от него записку.

«Уважаемый Владимир Ефимович.

Я узнал через Дидковского о том, что будто бы Вы собираетесь летом уехать с Урала. Вы, конечно, понимаете, что несмотря на все принципиальные тяжбы между Вами и уральцами, очевидно для всех, что Ваш уход с Урала будет тяжёлой потерей. Сегодня я говорил с Сулимовым, он ничего не знает о Вашем уходе. Поэтому я очень прошу, от имени правления УГУ, Вас своевременно известить меня о Ваших предположениях. Сегодня же я узнал от Сулимова, что Вы уже не работаете в Промбюро. Зная, что это наверно сильно подорвало Ваше материальное положение, я бы хотел Вас заверить, что если дело Вашего ухода зависит только от невозможности Вам содержать свою семью, то правление университета сделает всё возможное, чтобы обеспечить вас с материальной стороны. Если Вам не трудно будет зайти ко мне, то я буду

Вас ждать в четверг и пятницу от 9 ½ до 10 ½ часов утра в Ураласбесте, или по крайней мере черкните записочку. Уважающий Вас В. Алфёров».

Приведу с некоторым сокращениями записку-ответ Владимира Ефимовича.

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Вы хорошо знаете, что у меня никогда в мыслях не было уехать с Урала. Я сознавал себя необходимым здесь и отвергал все предложения переехать в центр. Но «меня ушли». Меня заставили решиться на переезд в Москву, ибо поставили меня в положение, при котором оставаться на Урале есть явное безрассудство.

Было время, когда власти, с П.А. Богдановым во главе, мне оказывали полное доверие. В настоящее время только Д.Г. Сулимов говорит, что продолжает мне доверять. Вы заявили мне прямо, что мне не доверяете... А прокуратура, студенты, газетчики... Прости их, Господи, не ведают, что говорят, что делают...

...Все голосовали за резолюции, явно не справедливые, бессмысленные и Вы в том числе. Вы – ректор!..

Но довольно об этом. Агитация «Уральского рабочего», проведённая с соизволения властей, сделала из меня главу контрреволюции на Урале. Результаты для меня очевидны: люди, любящие показывать кукиш в кармане, по уголкам поют мне дифирамбы, трясут руки, а от одного пьяного сослуживца я не знал куда бежать на вокзале.

Положение явно опасное и для меня в высшей степени противное. Я никогда в жизни не был агитатором и презираю всякую политическую роль от всей души. Власти Екатеринбурга из меня сделали агитатора, против моей воли, желания, против всякой правды.

Среди своих друзей и знакомых я всегда проводил мысль об исторической необходимости современного правительственного режима. Я всегда боялся, боюсь и сейчас, что иностранное вмешательство помешает русскому народу исцелиться от той болезни, которой заболел русский народ под глупым правлением последних Романовых.

Как ни горько нам приходится, русский народ медленно и неуклонно идёт к выздоровлению, и я вполне уверен в том, что переживаемые нами бедствия сделают нас великим и сильным, культурным народом-тружеником.

В ваши социалистические идеалы я, конечно, не верю и убеждён, что они и в вас самих сидят очень некрепко и закон необходимости заставляет вас, большевиков, делать то, что требует жизнь, а не то, о чём мечтали поэты и философы.

Итак, местные екатеринбургские власти сделали из меня, лояльнейшего работника и помощника правительства в его деятельности по оздоровлению русского народа, по превращению народа-раба – в культурного труженика, сделали главу контрправительственной агитации, сделали неблагонадёжным человеком.

Что же мне остаётся делать? Бежать, конечно, от этих властей, не умеющих отличить своих помощников от своих врагов.

Но это не всё. Вся эта история кончилась для меня довольно печально. У меня повторилась водянка сердечной оболочки...

В Москве мне обещают восстановить мое Металлургическое Бюро. Буду дальше разрабатывать новые типы печей, буду консультировать заводы военной промышленности, организовывать исследовательские работы. Замешаюсь в толпу, довольно надо мной потешались, надо беречь своё здоровье.

Вот мотивы моего хода. Я не ушёл, меня ушли, ушли против всякой логики, ибо сделали из меня врага правительства в тот самый критический момент жизни России, когда не сегодня-завтра в Россию ворвутся наши «друзья» и начнётся делёж всего, что плохо лежит. [В те дни Правительством велись переговоры о передаче заграничным капиталистам концессий на отдельные предприятия и целые отрасли промышленности. Капиталист Уркарт хотел взять на концессию все заводы и предприятия цветной металлургии Урала и Алтая. Владимир Ефимович категорически протестовал против заключения сделки с Уркартом.]

Да, было время, когда я спокойно ждал возвращения капитала в Россию. Я пользовался доверием, знал, что к моим словам отнесутся благожелательно и мне удастся помочь русскому правительству и местным властям защитить интересы русского народа. Обстоятельства круто изменились. Мне не верят и мне на Урале делать нечего. Управляйтесь, как знаете. Я буду проектировать печи будущего для пользы человечества.

От личного свидания я уклоняюсь. Мне надо спокойно лежать, чтобы иметь возможность с будущей недели возобновить лекции. Вода всасывается плохо, когда приходится писать такие письма, а говорить ещё хуже.

Денежно я хорошо буду обеспечен в Москве. Мне дали сейчас работу в 1200 рублей, а потому в помощи правления не нуждаюсь. Спасибо.

Ваш В. Грум-Гржимайло».

Забеспокоился преподавательский состав и правление университета – выписка из протокола № 200 заседания правления Уральского государственного университета от 13 июня 1924 года.

«Слушали: § III. Об обеспечении кафедры металлургии стали (доклад профессора Горина Н.П.).

Постановили: § III. В виду упорных слухов об уходе профессора Грум-Гржимайло В.Е. и существующего вследствие этого у правления опасения за судьбу кафедры металлургии стали, обратиться к профессору Грум-Гржимайло за разъяснением.

Отметить, что работа профессора Грум-Гржимайло является весьма ценной для университета и что уход его из университета крайне нежелателен...»

«В правление УГУ от проф. В.Е. Грум-Гржимайло, 27 июня 1924 года.

Вследствие постановления от 13 июня 1924 г. за № 200 об обеспечении кафедры «Металлургия стали» имею сообщить следующее:

Я действительно прилагаю все усилия переменить род деятельности и уехать в Москву и вероятно давно получил бы назначение, если бы не противодействие местных партийных кругов, замедляющих такое назначение. Мотивы, заставляющие меня покинуть Урал, совершенно ясны. В июне исполнится 39 лет моей службы в качестве заводского инженера и профессора. Мне шестьдесят лет. Последние годы голодовок и сильных нравственных потрясений настолько подорвали деятельность моего сердца, что я не выдерживаю двухчасовой лекции. Я могу очень много работать и действительно много работаю только при соблюдении нижеследующих условий:

1) Полного душевного покоя,

2) В обстановке моей семьи, где я могу прилечь отдохнуть при первых припадках утомления сердца. Чередуя работу и отдых, достигаю весьма большой трудоспособности.

2) Лекции, сильно утомляя меня, понижают мою трудоспособность. Совершенно очевидно, что моя роль профессора и лектора кончается.

Мне нужно ограничивать мою деятельность чисто научной работой, для меня посильной. Поэтому я весьма был обрадован предложением НТО-ВСНХ восстановить моё Металлургическое бюро под главенством НТО на основах хозяйственного расчёта. Польза для русской промышленности будет несомненна и громадна. Ещё большая польза будет для техники употребления топлива во всём мире. Все мои работы будут печататься в Известиях НТО и будут продолжать революционировать эту область мировой техники.

Лично я уйду в тишину кабинета от всех треволнений современной жизни высших учебных заведений, которым я сочувствовать не могу. Совмещение храма науки и политического орудия, с моей точки зрения, было и будет одиозно. Наука была и будет чистым источником Божественного знания, чуждого всякой политики и борьбы. С таким убеждения я умру, а потому лучше мне уйти из школы, руководители которой держатся других взглядов.

Так как мои работы нужны не только Уралу, не только России, но к ним прислушивается весь технический мир, и так как мои слабые силы не выдерживают сложившейся вокруг меня жизненной обстановки, то я просил бы правление Уральского университета не ставить препятствий моему уходу в Москву, где мне гарантирована тихая кабинетная работа. Я думаю, что тридцатилетним трудом я заслуживаю к себе такое внимание.

В. Грум-Гржимайло».

«Выписка из протокола № 202 заседания правления Уральского государственного университета от 27 июня 1924 года.

Слушали: 5) Мотивированное заявление профессора В.Е. Грум-Гржимайло о невозможности вести курс по «Металлургии стали» в университете (сообщение проф. Н.П. Горина – заявление прилагается).

Постановили: 5) Считаясь с мотивами, изложенными профессором В.Е. Грум-Гржимайло в его заявлении, просьбу об его освобождении от ведения курса стали и ухода из университета удовлетворить. Правление, выражая своё согласие, отмечает, что уход Владимира Ефимовича из состава основных научных работников университета является большой потерей для металлургического отделения и в целом для университета, и только выраженное Владимиром Ефимовичем желание отдаться кабинетной научной работе заставляет правление согласиться с изложенными мотивами...»

Итак, всё формально согласованно, Владимир Ефимович заканчивает дела и в июле покидает Екатеринбург.

Я встречал всю семью в Москве на Ярославском вокзале. Вышел Владимир Ефимович из вагона, поздоровались, расцеловались.

– Серёжа, деньги у тебя есть?

– Да, есть.

– Дай матери. Мы в дороге последний рубль проели...

Сергей Грум-Гржимайло